

РОДИОН ЕРСАРИН

НУЛЕВАЯ ПАМЯТЬ

Родион Ерсарин

Нулевая Память

«Автор»

2026

Ерсарин Р.

Нулевая Память / Р. Ерсарин — «Автор», 2026

Эксперт по чужим воспоминаниям Илья Вересов получает письмо, записанное за одиннадцать лет до его рождения. Отправитель обещает: через девять дней Илья встретит человека, которого уже убивал. Подпись под письмом настоящая. Прошрое, которое оно описывает, Илье не принадлежит — по крайней мере, так он привык думать. Хранитель старого архива уже мёртв, и его смерть связана с появлением письма. След ведёт к эксперименту, после которого чужая память может оказаться частью твоей жизни. Если Илья найдёт ответ, ему придётся решить, кто вправе пользоваться этой технологией и какой ценой её остановить.

© Ерсарин Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Подпись	5
Глава 1. Свидетель	5
Глава 2. Одиннадцать лет	10
Глава 3. Два подтверждения	15
Глава 4. Вейль	19
Глава 5. Музыка	23
Глава 6. Марина Орлова	27
Глава 7. Леон	31
Глава 8. Корень	36
Часть II. Человек, которого я убил	40
Глава 9. Девятый день	40
Глава 10. Николай Савельев	44
Глава 11. Амина Шах	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Родион Ерсарин

Нулевая Память

Часть I. Подпись

Глава 1. Свидетель

За одиннадцать лет до рождения Ильи Вересова кто-то записал для него письмо. В день, когда оно наконец пришло, Илья спорил с женщиной о том, что она видела собственными глазами.

Надежда Ким помнила красные перчатки человека, который напал на неё. В первом слое записи перчаток не было.

Илья остановил реконструкцию. Перед ним висела кухня, собранная из слов свидетельницы, медицинской карты и тех сигналов, которые аппарат сумел извлечь из её головы. Узкий стол под окном. Синий край чашки. Человек в дверном проёме. Перчатки были отчётливо красными, вплоть до шва у запястья.

— Вы же сами видите, — сказала адвокат. — Она запомнила.

Илья отключил слой, добавленный после терапии. Перчатки исчезли вместе с силуэтом. Остались дверной проём и голос, исходивший из места, где она впоследствии восстановила фигуру нападавшего.

— Я вижу, что она помнит. Это разные вещи.

Они находились в небольшой комнате Службы происхождения памяти. Рядом с окном сидела сама свидетельница, Надежда Ким. Её не подключали к реконструктору повторно: полгода лечения после нападения, две процедуры восстановления, одна ошибочная очная ставка — достаточное число вмешательств даже для людей, которые верили в безопасность этой технологии больше Ильи.

— Я была там, — сказала Надежда.

Женщина держала чашку двумя ладонями. На ручке была трещина; она то и дело проводила по ней большим пальцем.

— Да, — ответил Илья. — Я не оспариваю этого.

— Тогда почему говорите, что я не видела человека?

— Потому что в первый раз вы упомянули голос. На второй неделе — куртку. Перчатки появились после сеанса восстановления. Я пытаюсь понять, откуда они взялись.

Адвокат подняла планшет.

— Специалисту перед сеансом показали фотографии подозреваемого. Это стандартная процедура.

— Включая фотографию, на которой он в красных перчатках. Снятую за три года до преступления.

Надежда поставила чашку на стол так резко, что чай пролился.

— Вам хочется поймать меня на лжи.

Адвокат наклонилась к ней, собираясь что-то сказать, но Надежда отвела руку. Трещина на чашке дошла почти до самого дна. Илья увидел, что женщина давно старается держать её так, чтобы не обжечься, и почему-то стало стыдно за то, что он сперва заметил трещину, а уже потом её пальцы.

— Я не выбирала, что запомнить, — сказала Надежда.

— Я знаю.

— Вы не знаете. Там было темно. Я стояла у раковины спиной к двери. Услышала, как он сказал про ключи, и подумала, что это брат. Он тоже говорил так, когда забывал ключи. Я даже ответила ему как брату.

Она замолчала, будто в её рассказе дошла до места, которое нужно было переступить.

— А когда я повернулась, он уже был возле меня. Я не видела лица. Я видела что-то красное. Я помню красное.

В первичном показании было записано: «Красное перед глазами». Врач отметил кровоизлияние в правом глазу после удара. Через две недели эта неопределённая вспышка стала рукавом куртки, затем перчатками. Ни один переход не требовал обмана. Мозг Надежды пытался построить комнату, в которой случилось насилие, и ставил в пустые места предметы, которые подсказывали ему другие люди.

Илья мог изложить это в заключении тремя фразами. Произнести сейчас — означало сказать ей, что она потеряла даже единственную цветную деталь, за которую держалась.

— Мне кажется, вы помните красное, — сказал он. — Не знаю, было ли оно на нападавшем. Это останется в протоколе именно так.

Адвокат подняла взгляд от планшета. В её выражении появилась осторожная благодарность, от которой Илье стало ещё уютнее. Не ради благодарности он выбирал слова. Ради того, чтобы Надежда не услышала от человека, пришедшего проверять доказательства, что её воспоминание бесполезно.

Илья свернул объёмную кухню. После выключения реконструкции настоящая комната казалась плоской, как изображение, забывшее стать реальным.

— Я думаю, что вы говорите правду. Как её знаете. — Он подвинул к ней салфетку. — Если бы вы лгали, моя работа была бы проще.

На стене высветилась временная шкала. Первое показание, четыре дня молчания, встреча с терапевтом, восстановление повреждённого эпизода, показ фото, новая реконструкция. Голос остался в первичном слое. Куртка — в слое с высокой степенью уверенности, но без независимого подтверждения. Красные перчатки мерцали на границе, где память соединялась с более поздним зрительным опытом.

— Я не утверждаю, что нападавший не был в перчатках, — сказал Илья. — У нас нет оснований для такого вывода. Но использовать их цвет при опознании нельзя.

— Если суд примет ваше заключение, подозреваемого отпустят, — сказала адвокат.

— Возможно.

— А если он вернётся к ней?

За окном работали насосы Северного контура. Низкий ровный гул, которого петербуржцы не замечали, пока он не исчезал.

— Это решают следствие и суд по всем доказательствам, — ответил Илья. — Моё заключение касается перчаток.

Надежда вытерла салфеткой сухие пальцы. После их ухода Илья ещё раз проверил разметку слоёв. В углу реконструированной кухни проступал рисунок обоев, которого не было в квартире. Вероятно, образ из кабинета терапевта. Он пометил его как вторичное внесение. Маленькое исправление, от которого вывод не менялся. Он всё равно его сделал.

Когда он окончил протокол, зашла младшая сотрудница отдела, чтобы забрать аппарат. Её звали Лиза; третий месяц она работала с ним и всё ещё извинялась каждый раз, когда прерывала его мысли.

— А если он действительно был в красном? — спросила она. — Получится, мы убрали правду.

— Мы убрали утверждение, для которого у нас нет основания.

Лиза посмотрела на пустую кухню в поле реконструктора.

— Она будет думать, что теперь ей никто не верит.

— Возможно.

— И вас это не тревожит?

Илья хотел ответить привычным «тревожит, но не меняет результат». Вместо этого вспомнил, как Надежда произнесла слово «брат». Ей требовалось сохранить что-то надёжное в этой комнате. Он попросил Лизу передать следователю часть протокола о голосе, подтверждённую первичной записью. Голос они вправе были использовать, если найдут для сравнения чистый образец. При таком деле мелкая техническая пометка могла значить для женщины больше, чем вся процедура.

— Вы могли сказать ей это сами, — заметила Лиза.

— Пока у меня не было второго образца.

Лиза вскинула брови и ушла с аппаратом. Илья понял, что она права в другом: можно было объяснить Надежде, что не всё в её памяти отнято, даже если доказательство ещё не добыто. Он составил короткое письмо адвокату. Прочёл, стёр первую фразу, где звучал как врач, обращающийся к ребёнку, и написал заново.

Не успел отправить, как в дверях снова появилась Надежда. Она забыла шарф на подоконнике, но, взяв его, не ушла.

— Если перчаток там не было, — спросила она, — значит, я всё остальное тоже могу придумать?

Лиза в коридоре остановилась с аппаратом в руках. Илья попросил её закрыть дверь: ответ не должен был превращаться в новый сеанс при случайных свидетелях.

— Вы помните, что вам было страшно, — сказал он. — Знаете, что человек вошёл и напал на вас. У нас есть медицинские данные и другие следы. Я проверяю происхождение одной детали. Это не суд над всей вашей памятью.

— Тогда почему именно эта деталь такая ясная?

— Иногда ясность приходит позже, вместе с тем, что мы узнали после события. Это неприятно слышать. Со мной тоже такое бывает.

Надежда поправила шарф. В первый раз он казался синим, теперь при дневном свете был зелёным. Илья не стал превращать цвет в иллюстрацию своего объяснения.

— Я всё равно буду видеть красное, — сказала она.

— Я не прошу вас перестать. Просто следствию нужно различать, что вы тогда увидели и что видите, вспоминая.

Она кивнула не в знак согласия, а чтобы закончить разговор. Он отпустил её без заверения, будто одна правильная фраза способна вернуть доверие к собственной голове.

После её ухода он изменил письмо адвокату. Оставил сухое описание голоса и необходимость независимого сравнения; не стал повторять Надежде через третье лицо то, что уже сказали друг другу. Через час адвокат ответила: следствие получило запись входной связи дома. Илья попросил передать голосовой файл специалисту, который не видел фотографий подозреваемого. День продолжал подчиняться обычной последовательности запросов, хотя разговор ещё звучал у него в ушах.

В коридоре Дарья Лебедева разговаривала по закрытой связи. Увидев Илью, она подняла свободную руку: подождать; я тебя заметила; не делай вид, будто проходил мимо случайно.

— Не говори «согласовано», пока не получишь подпись, — сказала она собеседнику. — Бумагу. Или её законный эквивалент.

Она отключилась.

— Ты опять испортил чью-то красивую версию?

— Там не было перчаток.

— Опять?

— В этот раз они могли быть.

— Ты невероятно утешительный человек.

Дарья работала в отделе подделки личности. Его заключения часто становились частью её дел, хотя смотрели они на одно и то же по-разному. Она искала человека, совершившего действие. Илья устанавливал, как сведения об этом действии попали в чью-то голову.

Они познакомились на деле, где человек десять месяцев жил под именем умершего брата. Дарья быстро установила, кто изготовил ему документы. Илья доказал, что двое свидетелей узнавали не его самого, а лицо с объявления о розыске, показанного им накануне. Выяснить, почему мужчина выбрал имя брата, не входило ни в их обязанности, ни в итоговый отчёт. Они всё же задержались в опустевшей комнате допроса и разговаривали о нём ещё час. Илья считал, что человек пытался вернуть себе дом. Дарья — что пытался избежать долгов. Позднее оба оказались правы.

С тех пор Дарья иногда приносила ему дела, которые никому не хотелось распутывать. Однажды принесла ужин, когда они вышли из здания после полуночи. Они никогда не обсуждали, в какой момент перестали считать такие встречи рабочими.

Она заказала два кофе. Автомат выдал один нормальный и один со вкусом металлической крышки. Второй достался Илье; она это знала.

— Как отец? — спросила Дарья.

— Нашёл ещё одну кассету с маминым голосом.

— Послушаешь?

Он обжёг язык кофе.

— Помню её голос и без архива.

— Я спросила не это.

Илья посмотрел на стакан. После смерти Марины они с Антоном почти не открывали домашних записей. Он мог часами разбирать чужие воспоминания, отделять увиденное от услышанного, услышанное от внушённого. С маминым голосом этот навык не помогал. Его раздражало, что она могла сказать ему что-то новое уже после того, как перестала отвечать на вопросы.

— В выходные заеду к нему, — сказал он.

Дарья кивнула, принимая это вместо ответа. В её браслете мигнул вызов.

— Антон не просил тебя чинить кассету, — сказала она. — Он хотел, чтобы ты услышал.

— Ты разговаривала с ним?

— Он спросил, знаю ли я способ воспроизвести старый носитель. Я дала адрес мастерской.

Антон и Дарья переписывались независимо от него. Это было разумно: они оба беспокоились, он не всегда отвечал сразу. Илью всё же раздражало ощущение, будто два человека могут договориться о его прошлом без него. В этом раздражении не было ничего справедливого, поэтому он оставил его при себе.

— У меня задержание. У тебя вечер?

— Отчёт, потом домой.

— То есть отчёт.

Она тронула его локоть и ушла к лифту.

Поздним вечером дождь сделал Верхний город прозрачным. За защитными экранами вдоль канала светились окна нижних кварталов; кое-где виднелась вода, стеснённая между несущими стенами. На остановке Илья пропустил две капсулы и поехал на старом трамвае. Тот скрипел на поворотах и пах мокрыми пальто, хотя большинство пассажиров давно носило ткани, которые сохли сами.

Дома он оставил сумку у порога. Дверца шкафа была приоткрыта. Илья закрыл её, не глядя.

Квартира встретила его скрипом вентиляции. Неделию назад он собирался вызвать техника, но всякий раз скрип прекращался, стоило ему подойти к решётке. За окном трамвай

проходил по мосту так медленно, что свет его окон на мгновение выстроился в одну длинную комнату. В такой час Илье иногда хотелось знать, почему люди в этих окнах возвращаются домой. Он понимал, что желание нелепое: достаточно было спросить одного, и ответ оказался бы куда менее красивым, чем воображаемые жизни.

Он снял влажную рубашку, повесил на спинку стула, потом всё-таки перенёс в сушильный шкаф. Мать называла его привычку оставлять вещи посреди квартиры «доказательством присутствия». После её смерти Ильа обнаружил, что не помнит, говорила ли она это с раздражением или смеясь. Ему хотелось восстановить интонацию. Ни одному аппарату он бы не доверил её достраивать.

На кухне лежало сообщение Антона: фотография кассеты на потёртой скатерти и подпись «Нашёл ещё одну. Не срочно». Ильа поставил отметку о прочтении. В ответ пришла картинка кота, которого у Антона не было: отец освоил новую библиотеку реакций и теперь намеревался использовать её по любому поводу.

В 22:14 домашняя система попросила принять пакет из Реестра личной непрерывности.

Ильа подумал, что заключение по Надежде оспорили. Потом увидел уровень допуска. Архивное свидетельство с обязательным вручением адресату. Отправитель указан как человек.

ЛЕОН МАРКЕЛОВ.

Дата создания: 18 ноября 2147 года.

Получатель: ИЛЬЯ ВЕРЕСОВ.

Он родился в 2158-м. Мать ещё не была знакома с Антоном в год, указанный в сертификате; по крайней мере, так говорили семейные истории. Программа предложила раскрыть подпись. Она была действительной. Не восстановленной с копии, не перенесённой при смене архива. Сорокадвухлетней, прошедшей проверку целостности.

«Ошибка адресации», подумал Ильа.

Он поставил чайник и внимательно прочёл технические поля. Причина задержанного вручения: условие отправителя выполнено сегодня. Ни одно поле не объясняло, как человек сумел написать ему письмо за одиннадцать лет до его рождения.

Чайник отключился. Воду он так и не налил. На стекле поверх его отражения светились слова «Подтвердить получение».

Ильа нажал.

Глава 2. Одиннадцать лет

Позднее Илья не смог бы точно сказать, сколько времени смотрел на экран до начала записи. Он помнил четыре попытки проверить подпись и одну мысль: если нажать воспроизведение сейчас, у события появится прошлое. Пока файл закрыт, это всего лишь ошибка, которую ещё можно найти.

Он позвонил в дежурную службу Реестра. Оператор ответил живым голосом, чего Илья не ожидал в такой час. Прочитала номер сертификата, попросила подтвердить имя и сообщила, что не вправе раскрыть содержание. На вопрос, возможна ли подмена даты, ответила после короткой проверки:

— Любую систему можно обмануть. Подмену именно этой даты мы выявили бы в контрольных копиях. Их три, они хранятся независимо.

— Вы слышите, что получатель тогда ещё не родился?

— Слышу. Поэтому не говорю, что ошибки нет. Могу оформить срочное обращение.

Он оформил. Оператор назвала срок ответа: до двух рабочих дней. Два дня были ничем по сравнению с сорока двумя годами ожидания файла и невыносимо долгими по сравнению с тем, сколько Илья уже знал о нём.

На видео мужчина сидел за столом без видимой стены за спиной. Свет падал сбоку; где-то за камерой кто-то прошёл по комнате. Мужчина подождал, пока перестанут шуметь, и посмотрел в объектив.

На вид ему было немногим за пятьдесят. Тёмные волосы, убранные назад, лицо усталого преподавателя в конце семестра. Илья никогда его не видел. Эта мысль продержалась несколько секунд, потом стала неуверенной.

— Я записываю это для того, кого ещё не могу назвать, — сказал мужчина. — Если система ошиблась, ты закроешь запись и забудешь. Если нет, прости за такую форму знакомства.

Илья протянул руку к остановке, но не коснулся её.

— Меня зовут Леон Маркелов. Сегодня восемнадцатое ноября сорок седьмого года. По состоянию на этот день человек, которому я оставляю сообщение, ещё не родился.

Внутри комнаты что-то стукнуло. Леон обернулся.

— Я мог бы начать с доказательств. Но доказательства придётся изучать отдельно, и я не хочу, чтобы ты поверил мне раньше, чем поймёшь, что проверяешь. Найди собственную запись идентификации. Посмотри первичный ключ, а не итоговый процент.

Илья вывел рядом сертификат. В верхней строке стояло: «Совпадение корневой линии». Ниже — девять индексов, часть знакомых ему по работе, часть с устаревшими обозначениями. Он увеличил шестой. Система запросила живую когнитивную пробу.

— Если ты это видишь, — произнёс Леон, — значит, Марина всё-таки не смогла меня остановить.

Мать Ильи звали Марина Орлова. Имя не было редким. Но рядом с датой и запертой пробой оно вдруг стало слишком конкретным.

— Она сделала то, что считала правильным. Возможно, была права. Я оставляю тебе возможность проверить, где именно мы разошлись. Не позволяй никому подменить эту проверку ответом.

Видео дрогнуло: Леон поправил камеру. На краю появился угол окна. За стеклом лежал снег.

— Через девять дней ты встретишь человека, которого уже убивал. До этого момента тебе будут объяснять, кто ты такой. Ни одному из нас не верь на слово.

Запись оборвалась, когда Леон протянул руку к устройству. Такой обыденный жест встревожил Илью больше, чем сама фраза об убийстве.

Он хотел вернуться к предложению про Марину. Ещё лучше — позвонить Антону, разбудить и спросить, слышал ли тот когда-нибудь это имя. Но первая часть Леонова совета была верной: прежде чем верить, следовало понять, что именно произошло. Илья открыл служебную копию под личным доступом. На ней совпали шумы камеры, колебание голоса, форма старого кодека и контрольные метки архива. То, что запись действительно снята в сорок седьмом, становилось всё труднее отвергать. То, что она адресована именно ему, ещё предстояло доказать.

За окном проехал трамвай. В нескольких его окнах горел свет, остальные были тёмными. Илья поймал себя на бессмысленном ожидании: пусть один из пассажиров выглянет и подтвердит, что снаружи год 2189-й, а не тот, откуда с ним говорил незнакомец.

Он пересмотрел первые семь секунд, проверяя монтаж. Затем вызвал первичную идентификацию. Живая проба измеряла не сходство лица или генов, а реакции прежде сознательной интерпретации. У Ильи было достаточно причин не проходить её ночью, одному, сразу после записи с упоминанием матери.

Он прошёл.

Экран погас. В наушниках прозвучали четыре ноты; между третьей и четвёртой была странно длинная пауза. Его попросили мысленно продолжить ряд. Он старался не угадывать, но пальцы уже отбили ритм по столу. Затем появилась схема комнаты с тремя выходами и исчезла прежде, чем он прочёл обозначения. Илья назвал левый выход. Последняя проба предложила закончить оборванную фразу. Он произнёс слово; система показала то же самое.

Он ожидал, что после ответа почувствует что-то необычное — голос, чужой запах, незапную пустоту. Ничего такого не произошло. На кухне у соседей включили воду, труба отозвалась двойным стуком; он давно знал этот звук. Устройство подождало, пока датчик подтвердит обычное дыхание, и лишь затем показало итог. Несколько секунд между пробой и числом Илья прожил в мире, где результаты ещё не вывели наружу, а он сам уже сделал всё, что мог. Потом число появилось. Никакое ощущение не сообщило ему заранее, что именно оно изменит.

В резервном журнале значилось, что он мог отозвать согласие на использование пробы в исследованиях. Сама идентификация в Реестре всё равно сохранялась по закону. Илья поставил запрет на вторичное применение сегодняшних реакций до отдельного решения. За одну ночь он получил слишком много причин читать каждую галочку. В другой день мог бы довериться стандартному разрешению; сейчас впервые проверил, что значило «только для установления права на письмо». Система выдала квитанцию. Он распечатал её, хотя редко пользовался бумагой дома, и положил на стол под чашку, чтобы лист не свернулся.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО КОРНЕВОЙ ЛИНИИ: 99,87 %.

Он снова и снова открывал расчёт, ожидая увидеть ошибочную поправку на возраст или знакомые ему материалы. Ни одна не превращала результат в обычное совпадение. И ни одна не отвечала на вопрос, кем именно системе предлагалось его считать.

В протоколе стояло служебное слово «продолжение». Он видел его сотни раз в делах о тяжёлой терапии. При обычной проверке оно обозначало практическое решение: допустимо ли человеку управлять прежним счётом, подписывать согласие на операцию, забирать ребёнка из школы. Для этих целей система сравнивала достаточно, чтобы общество могло действовать без бесконечных споров. Теперь Илья впервые подумал, какую тяжесть можно вложить в слово, служившее прежде пропуском и подписью.

Он запросил модель погрешности. Не ради того, чтобы переспорить число, а потому, что в погрешности иногда находился путь к человеку, подписавшему исходные данные. Доступ оказался закрыт основательским режимом. На секунду проступили три инициала: L.M., N.S., S.R. Затем система попросила судебное основание. Илья записал инициалы на бумаге. Его рука двигалась быстро и уверенно; после записи он долго смотрел на собственный почерк.

Внизу формы стояла кнопка «оспорить принадлежность». Она вела не к пересмотру процента, а к заявлению о том, что человек не желает пользоваться связанными с линией правами. Илья прочитал инструкцию трижды. Подав такое заявление, он мог потерять доступ к письму до расследования, зато на время убрал бы свою подпись из всех действий по архиву. Система предлагала выбрать причину из четырёх. Последняя гласила: «Получатель считает прежнего субъекта иной личностью». Он поставил курсор на ней и остановился. О том, кем считать Леона, Илья имел мнение, но ещё не знал, зачем кому-то потребовалось вручить письмо сегодня. Подписывать правовое решение среди ночи, лишь бы притупить страх, было бы выбором, который сам он потом не простил бы клиенту.

Он сохранил форму незаполненной. На соседнем экране нашёл публичный список случаев, когда люди оспаривали принадлежность корня. Их было мало; решения различались. Кто-то получил право не читать архив предшественника, кто-то оспаривал попытку наследников требовать имущество, а один человек добился запрета на использование его лица в рекламной кампании проекта. В каждой строке слово «личность» означало что-то немного другое. Илья на минуту забыл свою комнату и стал читать материалы как специалист, отмечая, где правовая защита помогла человеку жить, даже не решив философский спор.

В квартире отключился свет в коридоре, сработал таймер экономии. Он встал, сделал четыре шага и ощутил под ногой край ковра. Ковёр они купили вместе с Дарьей на рынке, потому что ей понравился рисунок, похожий на дождевые канавки. Для Реестра он не был доказательством. Для Ильи — предметом, к которому он привык возвращаться в темноте. Вернув свет, он больше не стал нажимать «оспорить». Снял копию экрана с датой, чтобы можно было обсудить решение утром в ясной голове.

В списке вызовов первым стоял Антон. Илья открыл контакт, закрыл, снова открыл. Представил мать за кухонным столом, с карандашом в волосах и запахом подгоревших тостов. Она говорила ему в детстве, что любой прибор знает человека хуже, чем ему хочется казаться. Теперь фраза звучала как предупреждение, адресованное одному человеку.

Было почти одиннадцать. Он набрал Дарью. Она ответила не сразу.

— Ты никогда не звонишь в такое время.

— Мне пришло архивное свидетельство.

— Ты дома?

— Да.

— Один?

— Да.

— Илья, скажи суть.

Он рассказал дату, имя и результат. Дарья не перебила даже на словах о матери.

— Не удаляй локальную копию, — сказала она.

— Её нельзя удалить без подтверждения архива.

— Ты хотел услышать, что я тебе верю, или лекцию о процедуре?

— Ни того ни другого. Я хотел, чтобы ещё кто-то знал.

На её стороне стало тише: вероятно, вышла из машины.

— Теперь знаю. Приеду.

— Тебе не обязательно.

— Знаю.

Дарья вошла в мокром плаще и с двумя бутербродами из ночной лавки. Она не стала сразу смотреть видео. Открыла сертификат, сняла независимые контрольные данные, проверила цепь регистрации. Только потом села рядом.

— Почему у тебя холодно? — спросила она.

— Не заметил.

Она повернула регулятор на стене. Вентиляция ответила раздражённым скрипом. Илья извинился за него, будто в квартире жил человек, который мог исправиться, если извиниться достаточно искренне.

Дарья сняла плащ, повесила на спинку стула. Он увидел тёмную полосу на рукаве: на задержании ей задела руку. Дарья сказала, что это краска от дверной рамы, и взяла свой бутерброд. Он знал, что она расскажет о деле позже, когда исчезнет необходимость выбирать, какой из двух вечеров заслуживает больше внимания.

— До записи дойдём после того, как ты съешь половину, — сказала она.

— Это не процессуальная норма.

— Можно оформить как условие моего присутствия.

Он ел и чувствовал вкус только третьего укуса. Система оставила Леона на паузе, рот приоткрыт посреди слова. Илья развернул окно так, чтобы не видеть чужого лица, пока они говорили о сроках и контрольных копиях.

На фразе о девяти днях она прищурилась.

— Он говорит так, чтобы ты сделал вывод сам. И он мог знать, что запись посмотрят другие.

— Это ты пытаешься меня успокоить?

— Я читаю текст.

Дарья взяла с полки карандаш и написала на салфетке три слова: «подпись», «получатель», «свидетель». Обвела первое.

— Завтра проверим исходник. Потом выясним, что случилось сегодня, чтобы письмо пришло именно сейчас.

Дарья перенесла сертификат в изолированную среду. Илья наблюдал за тем, как она сравнивает контрольные числа, и вдруг заметил собственное желание, чтобы у неё получился другой результат. Ей легче было бы позвонить ему и сказать: «Там ошибка». Они оба пошли бы спать. Возможно, через месяц вспоминали бы вечер как неприятную шутку.

— Три независимые копии совпадают, — сказала она.

— Может быть, подделали исходник до того, как разнесли копии.

— Тогда придётся объяснить, зачем сорок два года назад понадобился ключ к человеку, которого ещё не было.

Она произнесла вывод мягко. Нельзя было подменить невыполнимую пока задачу словом «невозможно». Илья открыл историю матери: в сорок седьмом она уже работала в институте. Антона в данных о ней ещё не было. Имя «Илья Вересов» не могло фигурировать в письме Леона; письмо привязали к будущему когнитивному ответу, а не к человеку по имени. До этой минуты Илья упрямо представлял, что кто-то заранее видел его фотографию. Теперь стало страшнее: от него не требовалось появиться именно в этой квартире или в этой семье, чтобы система посчитала письмо доставленным.

— Позвонишь Антону? — спросила Дарья.

— Если он знает, мне страшно услышать. Если не знает, боюсь заставить его узнать так.

Она не предложила позвонить за него. Открыла контакт на своём браслете и оставила экран лицом к столу, если он решит воспользоваться им позже.

Они открыли метаданные. Под служебной шифровкой обнаружилась строка об окончании полномочий хранителя. Сегодня утром, 07:31.

— Человек умер? — спросил Илья.

— Пока знаем только, что его полномочия закончились. Возможно, он умер, а возможно, их отозвали. Утром выясним.

Они оба понимали, что в старых условных архивах утрата хранителя часто была смертью. Дарья не стала произносить неподтверждённое как факт, потому что сидела рядом с человеком, у которого уже было достаточно опасных объяснений. Ночью она осталась на диване, взяв

запасное одеяло без просьбы. Они не говорили больше о письме, но Илья видел полоску света из комнаты, когда вставал за водой. Ему было легче от того, что ещё кто-то тоже не спит.

На экране светилось свидетельство о событии, которое произошло за одиннадцать лет до рождения Ильи. А причина, по которой он о нём узнал, возникла только несколько часов назад.

Глава 3. Два подтверждения

Утром Дарья привела Илью в отдел старых подтверждений личности. За стеклянными стенами второго этажа светились закрытые рабочие экраны; снизу невозможно было разглядеть, кто за ними сидит.

На переходе через канал она объяснила, что дело о смерти Вейля ещё не закреплено за её группой. Связь с записью Ильи давала право запросить материалы, но не распоряжаться ими. Если обнаружится насильственная смерть, отдел преступлений против личности возьмёт расследование, а она будет отвечать за подделку доступа. В теории граница выглядела ясной. На практике убийство Вейля могло оказаться способом изменить реестр, и каждому ведомству захочется первым назвать происходящее своим делом.

Она уже внесла в служебный журнал, что знакома с Ильёй вне работы. Руководитель назначил другого сотрудника проверять его личные показания и цепь хранения тех данных, которые тот предоставит. Дарья могла расследовать поддельный доступ, но не могла единолично удостоверить слова человека, которому принесла ужин вчера ночью. Илья прочитал отметку и почувствовал себя уязвлённым, хотя именно такого отделения частного от доказательства потребовал бы для любого свидетеля.

— Надо было предупредить тебя прежде, чем поставила подпись, — сказала она.

— Не надо. Ты сделала правильно. Просто теперь в документе написано, что мы знакомы.

— В документе написано, какие выводы после этого мне нельзя делать одной.

Они дошли до входа молча. Перед турникетом Дарья отдельно записала время, когда Илья получил копию письма Леона. Теперь любую их позднейшую догадку можно было сравнить с тем, что он знал на этом берегу канала.

— Ты заранее готовишься спорить? — спросил Илья.

— Я заранее читаю, за что именно буду отвечать.

На противоположном берегу бригада поднимала из воды сорвавшийся защитный буй. Один рабочий стоял по пояс в холодной реке; двое помогали ему с настила. Люди возле остановки не смотрели туда. Для города на воде не каждое происшествие было событием.

Дежурный попытался провести их без регистрации. Дарья остановилась у турникета.

— Запишите обоих. И цель визита.

— Вы же здесь работаете.

— Поэтому и прошу.

Утраченного хранителя звали Эмиль Вейль. Восемьдесят четыре года, один из немногих людей, лично сопровождавших архив первых лет «Почерка». Тело нашли в его квартире над старым уровнем метро. Полиция ещё не квалифицировала смерть.

Архивистка Ольга Сафина раскладывала на столе бумажные карточки с регистрационными цепями.

На стене рядом висела фотография почти пустого кабинета сорокалетней давности. Тогда служба работала с единичными случаями повреждённой памяти; теперь сюда приносили даже бытовые споры о том, кто из супругов подписал распоряжение во время лечения. Илья разглядел на фото Ольгу, намного моложе, с тем же способом держать папку у края стола.

— Бумагу используете потому, что не доверяете системе? — спросил он.

— Потому что на столе можно положить две ошибки рядом. Система сразу просит одну из них исправить.

Ольга рассказала о первом деле, которое заставило её настоять на этой привычке. После тяжёлого лечения женщину признали «продолжением» прежней личности, но в её памяти исчезли два года брака. Муж хотел вернуть их общую квартиру, она — сначала разобраться, с кем вообще жила. Юридический реестр быстро предоставил доступ к счёту и ключам, затем

другие люди решили, что этими правами он автоматически восстановил отношения. Женщина выиграла спор лишь тогда, когда суд разделил собственность и согласие жить вместе. Илья знал это дело по учебнику; не знал, что Ольга была в нём младшим архивистом и лично принесла суду обе карточки.

— Я не стала философом, — сказала она. — Просто увидела, что несколько правильных ответов на разные вопросы нельзя складывать в один.

Ольга открыла шкаф с отвергнутыми регистрационными запросами. Внутри были карточки людей, которых система не сумела поместить в одну категорию. Она выбрала случай без личных сведений: два брата после одинакового лечения получили близкие реакции, и первый автоматический вывод на время объединил их медицинские записи. Братья три дня ходили по врачам с чужими назначениями, пока младший не заметил, что ему советуют избегать лекарства, которое он никогда не принимал. Систему исправили; в официальной сводке ошибка заняла одну строку. Ольга хранила бумажный лист потому, что на нём оба поставили подписи под просьбой не смешивать их больше ни при каком удобном проценте.

Илья спросил, зачем ей показывать историю, если их лабораторный результат в другом классе. Ольга сказала: не для опровержения его числа. Он должен знать, что произойдёт после числа, если сотрудники объявят его именем другого человека и начнут переносить права без отдельной проверки. Её голос звучал раздражённо, как у человека, который много раз проигрывал этот разговор не учёным, а тем, кто печатает пропуски. Она попросила Илью назвать своё имя для протокола. Он назвал. Она внесла его рядом с результатом 99,87 %, оставив оба поля видимыми.

Когда Дарья вышла за разрешением на копию, Илья спросил Ольгу, знала ли она Леона. Она ответила, что встречала его дважды. Первый раз он принёс образцы, положил их на её стол без объяснения и ушёл на совещание. Во второй пришёл извиниться и забрать один образец, который не имел права там оставлять. Её память о нём состояла из испачканного конверта и человека, который слишком поздно понял границы чужой работы. Она не собиралась превращать эти встречи в характеристику всей его жизни. Илья невольно улыбнулся: впервые ему показали старого учёного не в масштабе убийства или открытия, а в масштабе рабочего стола, на котором тот оставил чужую задачу.

Она вынула карточку Леона. Поле с правом доступа было стёрто и заполнено заново дважды, оба раза законно. В какой-то момент «корневая модель» превратилась в «идентификатор продолжения». Ольга провела ногтем по углублению старых букв.

— Названия меняли позже экспериментов, — сказала она. — Бывает, изменение слов незаметно меняет то, как потом используют данные.

— Тридцать лет я добивалась, чтобы люди спрашивали «что именно подтвердила система», — сказала она, увидев результат пробы. — Хотелось бы, чтобы повод был веселее.

Она показала исходную спецификацию. Реестр личной непрерывности создавали для случаев, когда болезнь или терапия разрушала привычные способы удостоверения. Корневая линия описывала устойчивую организацию реакций, пережившую вмешательство. Алгоритм сравнивал пути, по которым мозг приходил к ответу. Ольга тщательно выбирала слова; каждое имело юридическую цену.

На полях старой инструкции Илья заметил штамп «Деактивация исследования» возле закрытого дела. Ольга сказала, что прежде так останавливали программу сбора данных, сохраняя медицинские сведения для уже участвовавших людей. Он не спросил подробностей: сейчас интересовало письмо. Штамп остался в его служебной копии.

— Что означает мой результат? — спросил Илья.

— В точном смысле? Ваш профиль совпал с сохранённой корневой моделью Леона Маркелова. По старым нормам некоторые ведомства называли бы вас его продолжением.

— А по нынешним?

— Я спросила бы, согласны ли вы с таким определением.

Илья попросил показать не только результат, но и контрольные образцы, на которых реестр отказывался отвечать. Ольга вывела три старых профиля без имён: два были близкими родственниками, третий принадлежал пациенту после сложной терапии. Машина уверенно разделила родственников и замялась на пациенте. В исходной записи он сам описывал себя как того же человека, что до лечения; система выдавала неполное совпадение. Суд не лишил его имени из-за этого числа. Илья провёл пальцем по границе графика.

— Значит, вы знаете о случаях, где аппарат противоречит человеку.

— Знаю. Если бы он никогда не противоречил, он только повторял бы заявление человека. Его ценность в независимом измерении. Опасность — в привычке принимать измерение за решение.

Она разрешила ему сфотографировать параметры проверки, но закрыла имена владельцев контрольных записей. Илья сравнил способ забора образца с собственной пробой: приборы одной серии, параметры сопоставимы. На секунду ему хотелось обнаружить нелепую ошибку в номере капсулы. Её отсутствие тоже было сведением. Он не собирался обвинять Ольгу в подмене лишь потому, что его пугал результат.

— И если бы сказал «нет»?

— В медицинской системе вас всё равно нашли бы по этому ключу. У реестра другая задача. Но документы, где вы указаны как Леон, вы могли бы оспорить.

— Значит, моё согласие ничего не меняет для машины.

— Для машины — пока нет. Для людей, которые обращаются к её результату, меняет. По крайней мере, должно.

Илья вспомнил Надежду Ким. Её память содержала красные перчатки, реестр содержал его совпадение с Леоном. В обоих случаях аппарат честно показывал то, что был способен измерить. Ошибка начиналась, когда человек называл результат ответом на другой вопрос.

Дарья опёрлась о стол.

— Может ли совпасть чужая корневая модель без незаконного вмешательства?

— Теоретически возможны независимые совпадения. Практически я бы проверила происхождение модели.

— Вейль мёртв, — сказала Дарья.

Ольга перестала перекладывать карточки.

На столе у неё лежала подписанная Вейлем открытка с морем. Он присылал по одной после каждой поездки за старой архивной техникой; края успели обтрепаться. Ольга перевернула открытку изображением вниз. Жест был быстрый, почти незаметный, и Дарья не внесла его в служебную запись. Илья видел: до этой секунды Вейль существовал для неё как коллега, которого давно не было в городе, а теперь перестал существовать вообще.

Ольга попросила оставить ей несколько минут. Они отошли к архивным шкафам. Через стеклянную стену Илья видел, как она ставит открытку обратно лицом вверх, но не читает подпись. Потом она открыла служебный журнал. За шесть дней до смерти Вейль спрашивал, как приостановить условный пакет, если сам хранитель потеряет право им управлять. Ольга ответила письменно, сославшись на старый устав. Возобновление требовало двух разных подтверждений. Вейль не прислал второго.

— Почему не сообщили раньше? — спросила Дарья.

— Потому что до минуты назад я не знала, что он мёртв. А запрос казался рабочим. Он часто проверял правила, которые сам помогал писать.

Она дала им копию переписки с целой цепью подписей. Илья хотел немедленно объявить её свидетельством угрозы: Вейль спрашивает о пакете, через неделю умирает, пакет приходит к нему. Ольга показала семь других вопросов Вейля за последние месяцы — о смене хранителя, резервном питании, утрате записи после наводнения. Он относился к правилам как к

старым замкам: проверял каждый даже тогда, когда не собирался открывать дверь. Теперь следователям предстояло установить, какой вопрос был привычкой, а какой — последним предупреждением.

По пути вниз им позвонил сотрудник группы на месте. Он хотел уточнить, можно ли открыть запертый домашний архив без постановления: медицинский экран Вейля всё ещё был активен. Дарья отказалась давать такое разрешение с чужой должности. Она попросила сохранить питание и зафиксировать экран до приезда ответственного следователя. Отсюда до квартиры было двадцать минут пути. Ещё вчера ей хватило бы одного телефонного распоряжения, чтобы помочь знакомому человеку. Сегодня Илья смотрел, как она ждёт законного решения, хотя на том экране могло находиться письмо его матери.

— Когда закончились полномочия Вейля? — спросил Илья.

— Вчера.

Она указала на строку условия доставки. Оно было установлено на корневую модель, не на имя Ильи Вересова. Отправитель не знал, как адресата назовут.

— Мать могла привязать письмо позже, — сказал Илья.

— Тогда была бы ещё одна подпись. Её нет.

На выходе Дарья получила вызов с места смерти Вейля. На присланном снимке пожилой мужчина лежал возле стола. На терминале светилась строка, отправленная перед смертью:

ПОЧ-0: ВЫХОД ИЗ РЕЖИМА ОЖИДАНИЯ.

Дарья убрала экран.

— Поедем туда.

— Ты уже включена в дело?

— Через десять минут буду.

Они вышли под дождь. Дарья дважды ввела один и тот же адрес в транспортном терминале. Первый раз она не ошиблась.

Пока капсула спускалась к старому уровню, она молча просмотрела медицинский допуск Вейля. Илья не спрашивал, почему её раздражает отсутствие следов борьбы: он сам читал статистику нападений на хранителей. Если человеку за восемьдесят и он живёт один, внешнее вмешательство легче скрыть под естественной смертью. Нельзя было исключать совпадение только потому, что оно казалось удобным для убийцы.

— Что означает ПОЧ? — спросила Дарья.

— Может быть, сокращение «Почерка». Ноль — вероятно, версия протокола.

— Вероятно, — повторила она.

Он узнал собственную привычку оставлять запас для ошибки. В её устах слово звучало не как возражение, а как напоминание, что этим запасом придётся пользоваться при встрече с мёртвым человеком.

Глава 4. Вейль

Вейль жил в доме над запечатанной станцией. Из нижнего тоннеля тянуло известковой сыростью. Снаружи казалось, что камень дышит.

На первом этаже была булочная. Продавец знал Вейля по привычке покупать один и тот же хлеб, когда тот выходил из дома. Вчера профессор спустился позже обычного и хлеб не взял. Стоял под навесом, будто ждал кого-то с улицы, затем вернулся наверх. Продавец запомнил не лицо ожидаемого человека — никого так и не увидел, — а то, что Вейль дважды придержал дверь подъезда, пока она была пустой.

— Мог с кем-то разговаривать по связи, — сказала Дарья.

— Мог, — согласился продавец. — Но он всегда разговаривал дома. Ему здесь шум мешал.

Дарья записала его показания без вопроса «вам показалось?». Илья знал, что позже она сверит их с камерой, а если камера не подтвердит, вернётся. Пока слова продавца были единственной человеческой подробностью последних часов Вейля.

В квартире пахло сладким лекарством. На подоконнике стояли шесть горшков с травами; рядом с креслом — пакет земли. Вейль, судя по всему, собирался пересаживать растения. Человек мог планировать на весну и умереть в тот же день.

Комнату уже фотографировали до их приезда, поэтому Дарья попросила показать исходные снимки расположения предметов. Вейль оставил на столе тарелку с двумя корками хлеба и неубранным ножом. Окно было прикрыто, но ветер всё ещё шевелил тонкую ленту на ручке: так он отмечал сквозняк для растений. Из ванной слышалась вода. Сотрудник закрыл кран после первого снимка и записал точное время. В жилом доме невозможно сохранить место происхождения полностью нетронутым; важно было хотя бы знать, кто прикоснулся к каждой вещи.

Дарья спросила соседку через стену, не слышала ли та ночью просьбы о помощи. Женщина ответила, что слышала голос Вейля около девяти, позже шум переставленного стула. Сначала она решила, что он звонит племяннице. Затем подумала, что говорит с телевизором. Он часто рассказывал экрану, почему врач ошибается в прогнозе погоды. Илья попросил её не выбирать одну версию ради протокола. Она раздражённо сказала, что и не собиралась: если бы узнала голос другого человека, вызвала бы полицию. Дарья записала точный предел показаний и отдельно выяснила, в какое время соседка выключила у себя звук. После этого она больше не могла знать, что происходило за стеной.

В подъезде висело объявление садового общества. Вейль собирался принести растения на обмен семенами через неделю. Там было время встречи, контактный номер и его фамилия среди добровольцев. Илья сообщил эксперту о дате объявления, хотя следствию, возможно, не понадобится. В квартире почти каждый предмет подталкивал к версии, что человек не готовился умереть. Это ничего не доказывало о способе смерти: даже люди с назначенными встречами иногда умирают сами. Но убить такого человека и потом представить его последнюю ночь очередной работой с архивом означало стереть множество маленьких планов, которые ещё принадлежали ему.

Врачи не нашли следов борьбы. Возраст допускал естественную смерть. Однако из медицинского узла исчезли три часа измерений — единственные за десять лет. Удаление подтверждалось личным разрешением Вейля за семь минут до остановки сердца. По заключению врача, в это время он едва ли мог читать экран.

Медицинский техник показал им журнал резервного питания. В начале пропавших трёх часов напряжение упало на полсекунды, так коротко, что приборы не выключились. При обслуживании это считалось допустимым. При попытке заменить контроллер такой провал мог

скрыть чужой доступ, если заранее знать его место в записи. Дарья попросила сырые показатели с распределительного щита дома, а не сводку квартиры. Техник предупредил, что щит хранит данные всего сорок восемь часов. Запрос отправили сразу.

Внизу, у почтовых ящиков, Дарья позвонила дежурному прокурору и объяснила, почему им нужны сведения о чужом домашнем питании до официальной квалификации смерти. Тот разрешил сохранить данные без просмотра, пока придёт судебное решение. Бумага не могла спасти Вейля, но спустя месяцы от этой задержки зависело, увидит ли суд след чужой руки в его доме.

Илья остался возле растений. Земля в крайнем горшке была влажной; остальные сохли. Профессор начал пересадку, отвлёкся и не закончил. Можно было сколько угодно раз прочитать журнал пульса, но квартира рассказывала о минуте, которую приборы не хранили: кто-то или что-то прервало обычный вечер. Он сообщил эксперту только об измеримой разнице влажности, а не о своей версии того, кто вошёл.

Покрытие на полу возле стола было стёрто там, где долго стояли ноги кресла. Сейчас кресло находилось в другом углу. Эксперт пояснил: его уже передвигали при осмотре, прежнее положение зафиксировано. Илья спросил, успел ли Вейль перенести его сам. Пока никто не знал.

Дарья поговорила с обслуживающим техником дома. На записи входа человек в такой же форме поднимался к квартире в середине пропавшего интервала. Техник был высоким, как фигура, которую потом найдут на старой камере тоннеля, и поначалу Илье хотелось соединить два изображения одним именем. Но у настоящего работника был другой пропуск и подтверждённый вызов из соседней квартиры. Он показал, как вчера менял там клапан воды; соседка сохранила фотографии пола до и после ремонта. Форма продавалась по городскому стандарту, её мог надеть почти кто угодно. Дарья внесла его объяснения и не стала держать человека в коридоре ради ощущения, что у дела уже есть лицо.

После ухода техника она вернулась к домашнему экрану Вейля. Тот показывал не только удалённые три часа. За несколько минут до пропажи профессор набрал текст запроса третьему хранителю и не отправил его. Три слова в конце были стёрты. Система хранила операции с документом, но не восстановила их содержание без разрешения владельца. Дежурный следователь получил судебное распоряжение на копию метаданных; текст оставался закрытым до отдельной проверки. Илья мог увидеть направление переписки и не мог увидеть, чего Вейль на самом деле хотел попросить. Его раздражало, что закон работает именно в деле, где любая минута кажется способной изменить смысл всего.

Врач из первой бригады рассказала, почему смерть сперва выглядела естественной. Вейль действительно имел сердечную болезнь; последние измерения не противоречили обычному ухудшению. Но прибор не сохранил момента, когда можно было вызвать помощь. Через час после начала осмотра медик нашла в старом журнале подписанное распоряжение профессора: не посылать автоматический вызов при некоторых архивных запросах. Он имел на это право. Не было документа, которым он запретил бы живому человеку нажать ручную кнопку или позвать врача по связи. Дарья попросила эксперта проверить оба пути отдельно. Тогда вопрос о его воле переставал служить универсальным объяснением чужого бездействия.

На терминале ещё горел черновик письма к садовому товариществу: Вейль жаловался, что присланные семена оказались не тем сортом, и при этом написал длинное извинение человеку, который их паковал. Он не отправил письмо. Человек, принявший решение умереть ради протокола, мог заниматься семенами в последние часы. Но Илья не хотел превращать каждый черновик в свидетельство замысла.

— Подделка? — спросил Илья.

— Или кто-то действовал с его разрешения, — ответила Дарья. — Пока не знаем.

На стене висела фотография открытия лаборатории, датированная 2137 годом. Люди разного возраста выглядели слишком серьёзными для праздника. На обороте были подписи: МАРКЕЛОВ, САВЕЛЬЕВ, РЕН, ОРЛОВА. Последняя фамилия выведена другим карандашом.

Дарья попросила следователя с места преступления отдельно запаковать снимок. Тот спросил, зачем нужна старая бумага, если имеются цифровые копии. На обороте были четыре разные степени нажима. Фамилия Марины появилась позже, но сказать насколько позже могли только материалы бумаги. Илья увидел в этой педантичности защиту от собственного желания считать любой след матери центральным. Возможно, подпись дописали на следующий день. Возможно, через годы, когда проекту понадобился полный список.

Марина стояла сбоку и улыбалась кому-то за камерой. Она была значительно моложе, чем на семейных снимках Ильи. И всё-таки он узнал привычный наклон головы. Леон сидел в первом ряду. Рядом — пожилая женщина с прямой спиной, подписанная как София Рен. Николай Савельев смотрел вниз, за границу снимка. Его правая рука была перебинтована.

— Знакомы другие? — спросила Дарья.

— Только человек из записи.

Илья не добавил, что мать здесь казалась счастливее, чем в последние годы её жизни.

Он провёл пальцем над архивным изображением, не касаясь экрана. Подпись Марины другой рукой означала, что её могли включить в перечень позже, но она всё равно стояла на снимке. В семейных разговорах она называла тот период «работой над ранним развитием», никогда — по имени проекта. Антон однажды сказал, что познакомился с ней уже после закрытия лаборатории. Илья принял это как хронологию, достаточную для жизни. Теперь каждый год до собственного рождения стал пространством, где могли существовать события, которыми его объяснят чужие люди.

Эксперт у терминала нашёл расшифровку ПОЧ-0. Старый план реагирования запускался после утраты независимого хранителя, если тот отметил угрозу несанкционированного доступа. Отметку сделал Вейль за несколько минут до смерти. Второе подтверждение внешнего вмешательства подписано тем же способом, что и удаление медицинских данных.

Один из сотрудников считал, что Вейль сам запустил план, почувствовав опасность. Другой указывал на удалённые часы и подозревал подделку. Дарья не разрешила ни одной версии перейти в сводку как факт. Она попросила составить две независимые линии времени: всё, что мог сделать Вейль до прихода неизвестного, и всё, что кто-то мог сделать после потери сознания. На время они перестали спорить, кто был прав; на стене появилась карта событий, которую можно было проверить.

— Почему система приняла подпись, если он уже был мёртв? — спросил Илья.

Эксперт показал цепь полномочий. Ключ был оформлен не как биометрическое подтверждение в момент действия, а как разрешение на отложенный пакет. Его можно было подготовить раньше и выпустить при выполнении условия. В журнале значилось, что Вейль создал пакет накануне; к моменту смерти изменились только его параметры запуска.

Эксперт предложил воспроизвести запуск в изолированной копии. В его модели состояние «хранитель утрачен» наступало после остановки медицинского сердца, но отложенный пакет сам по себе не содержал адресата Леона. Тот хранился в старом протоколе, к которому Вейль имел доступ по должности. Чтобы сообщение попало Илье, кто-то должен был активировать правило после смерти хранителя; произвольное изменение параметров не позволяло выбрать человека по имени. Илья прошёл по шагам два раза и понял, что убийца мог добиться встречи, не зная, кто именно окажется носителем. Это делало фразу Леона про «девять дней» менее мистической и более опасной: мёртвый протокол связывал незнакомых людей, если кто-то достаточно решительный нажимал предусмотренную кнопку.

Дарья попросила сохранить стенограмму демонстрации без имён живых адресатов. На экране тестовый носитель назывался «А». Илья ощутил облегчение от буквы; через минуту рассердился, что ему легче, когда его заменяют символом. Эксперт сказал, что на рабочей копии можно одновременно сохранять точность механизма и частную жизнь получателя. Он выключил модель, не пытаясь успокоить Илью общей лекцией о безопасности. Им нужно было выйти из квартиры Вейля, где законный отложенный пакет и незаконное действие другого человека уже сплелись в одно письмо.

— То есть он мог знать, что его убьют? — спросила Дарья.

— Или готовился к любой нештатной утрате доступа. Такие люди обычно предусмотрительны.

Илья не стал говорить вслух, что предусмотрительный человек редко удаляет три часа собственных медицинских данных. Кроме того, два разных события — пакет и исчезновение данных — могли принадлежать двум разным рукам. Следствию предстояло доказать эту разницу.

— Если подписи подделали, — сказала Дарья, — режим запустил кто-то другой.

— А если нет?

Она не ответила.

Из соседней комнаты принесли переносной носитель. На бумажной полоске дрожащим почерком было написано «М. О. — не отправлять». Илья протянул руку, прежде чем вспомнил, где находится. Дарья задержала его кисть.

— Вещественное доказательство.

— Не собирался брать.

— Знаю. Поэтому и остановила.

Во дворе Илья позвонил Антону. Отец ответил сразу.

— Пап, ты знал Эмиля Вейля?

Антон долго молчал.

— Ты где?

— У его дома.

— Тогда отойди оттуда, прежде чем поговорим.

Илья посмотрел на окна квартиры, в которой Вейль не успел пересадить травы.

— Ты знал.

— Отойди, Илюша.

Антон называл его так только в детстве и однажды на похоронах Марины. Илья сделал несколько шагов от подъезда. Отец слушал их через телефон. Впервые за всю жизнь это не показалось чрезмерной заботой.

Они договорились встретиться вечером. Антон отказался рассказывать о Вейле по открытой связи, хотя такую связь Илья использовал для гораздо более личных разговоров. На вопрос, угрожает ли кто-то Антону, тот ответил: «Я не знаю». Слова были честными и потому оставили меньше защиты, чем обычное родительское «всё в порядке».

Дарья стояла у капсулы, ожидая, пока Илья закончит. Он рассказал ей о разговоре. Она предложила поставить незаметную охрану у отцовского дома. Он возразил, что это слишком рано. Через минуту сам попросил проверить записи подъезда хотя бы за последние сутки.

— Ты можешь бояться за него, — сказала Дарья, отправляя запрос. — Это не делает тебя ненадёжным свидетелем.

Илья хотел ответить, что свидетелем он вообще не является. Но вспомнил женщину с треснувшей чашкой и промолчал.

Глава 5. Музыка

Антон знал Вейля по дому, в котором Марина работала до рождения Ильи. Подробностей он не знал или не хотел рассказывать по связи. Попросил приехать вечером. Илья согласился; отцовское «не ходи туда один» впервые за много лет выполнил без спора.

Дарья проводила его до учреждения, где эксперты исследовали носитель Вейля. У входа попросила не искать смысл в каждом взгляде сотрудников. По дороге Илья успел заметить четыре взгляда и лишь потом понял, что она предупредила именно об этом.

Носитель был старым, с механическим контактом, которого не осталось в домашней технике. Эксперт сначала снял копию, а уже потом позволил посмотреть содержимое. Пока аппарат читал память, Илья разглядывал на корпусе потертость от чьего-то большого пальца. Вейль мог держать эту вещь годами; человек, от которого она ему досталась, мог давно умереть. Сведения о них не становились видимыми оттого, что на пластике остался след.

Служебная экспертиза носителя заняла четыре часа. На нём оказался не файл Марины, а перечень музыкальных отрывков с временными отметками и указанием возраста слушателя. В одном столбце стояла буква L, в другом — I. Первый столбец был заполнен полностью, второй прерывался на возрасте семи лет.

Пока эксперты снимали копию, Илья сидел за стеной с Лизой на связи. Она хотела знать, сможет ли он завтра закончить материал по Надежде. Он сказал, что постарается, и сразу услышал в собственном голосе обещание, которое не имел права давать. Попросил её оставить заключение на независимой проверке. Лиза предложила сама забрать часть сравнений, не просила объяснить, что именно он ищет в старом носителе. В шумном коридоре Илья впервые за день обсуждал не своё происхождение, а сроки работы другого человека. Ему было стыдно испытывать облегчение, однако он не пытался его скрыть: сказал спасибо и назначил время, когда проверит её черновик.

Эксперт, занимавшийся носителем, когда-то учился на его лекции о ложных реконструкциях. Он вспомнил пример с зеркалом в комнате, которого свидетель никогда не видел. Илья не помнил лекции, хотя коллега уверял, что её записали. Они быстро нашли программу: зеркало там было, но пример привела приглашённая преподавательница. Эксперт засмеялся над собой и отметил в отчёте, что Илья не участвовал в разборе носителя до создания копии. Этот маленький спор не имел отношения к Леону, но порядок их знакомства мог иметь: любой человек, знающий Илью по работе, способен бессознательно приписать ему слова, которые точно подходят к его репутации.

— Это может означать что угодно, — сказала Дарья, когда эксперт переслал предварительную копию.

— Да.

— Ты произнёс это тоном человека, который уже решил, что значит.

Они открыли служебное описание списка. L и I были не инициалами файлов, а условными колонками реакций. Для каждой мелодии отмечались длительность прослушивания, задержка ответа и причина прекращения. Линию I оборвали после детского отказа. У трёх записей стояла дополнительная пометка: «без повторного предъявления». Эксперт не стал делать вывод, кто выполнил запрет.

— Тогда для чего Вейль хранил копию? — спросила Дарья.

— Может быть, чтобы помнить, что её нельзя включать.

— А может, для того, кто решит иначе.

Оба варианта оставались возможны. Илью раздражало, что предмет, которым нельзя было пользоваться безопасно, оказался у них благодаря смерти человека, которого он не знал.

Они шли к выходу с места осмотра, где продолжали опрашивать соседей. Входную дверь держал раскрытой магнит, и от каждого проходящего тянуло прохладой тоннеля.

— Мама включала мне музыку перед сном, — сказал Илья. — Одну и ту же запись.

Он не мог вспомнить мелодию. Зато помнил, как Марина тянулась через него выключить лампу. Её рукав пах мелом и чем-то терпким, лабораторным. С годами он счёл запах выдумкой: в детстве любая вещь родителей кажется частью мира.

Вечером список был доступен ему на просмотр по делу. Первый фрагмент не вызвал ничего. Во втором он различил знакомое движение мелодии и, прежде чем увидел название, почувствовал острое раздражение: четвёртая нота запоздала. Не просто ошиблась, а поступила так, как неправильно устроенный лифт, который вместо этажа останавливается между этажами.

Илья выключил звук. Он сидел дома, перед чашкой, оставшейся со вчерашнего дня. Ударило воспоминание о другом помещении — длинный стол, за окном мокрые деревья, возле локтя чья-то рука с ожогом от кофе. Он видел комнату сверху и сбоку одновременно. В ней никогда не бывал; это он понимал так же ясно, как чувствовал холодную чашку в ладони.

У воспоминания не было начала. Он не вошёл в комнату и не услышал приглашения сесты. Сразу оказался в середине сцены, как зритель, который опоздал на спектакль и вынужден угадывать, о чём спорят люди на сцене. В дальнем углу кто-то перелистывал бумагу. Другой человек произнёс короткое «нет» с такой усталостью, что Илья почувствовал неловкость, хотя не понимал, кому ответили. Он попробовал посмотреть на часы над дверью. Циферблат распался на белое пятно. Память подсовывала фактуру дерева и кожу обожжённой руки, но не позволяла прочесть ни одной цифры.

Илья хотел удержать сцену, чтобы затем перенести её в журнал точно. В тот миг она отдалилась. Он снова увидел собственную кухню и то, как свет из окна проходит через прозрачный край чашки. Руки лежали там, куда он положил их до музыки. Тело не перемещалось. Это не делало увиденное сном.

Рука подняла карандаш. На листе, который Илья не мог прочесть, появилась короткая линия.

Потом всё исчезло.

Он запустил профессиональный журнал реакций на собственном устройстве. Двадцать три секунды отсутствия обычной ориентации. Никакого внешнего вмешательства, никаких следов подключения. Стресс, недосып и ожидание объясняли многое. Не объясняли подробность с ожогом, которую он не видел на фотографии.

Следом Илья сам поймал ошибку в этой уверенности. На фотографии из квартиры Вейля у Николая была забинтована рука. Он мог вообразить ожог, едва посмотрев на бинт. Образ существовал в вспышке так убедительно, будто шел впереди фотографии, но порядок был обратным. Он внёс поправку в журнал, хотя знать её будущую ценность было невозможно.

Затем проверил частоту музыки на другом носителе. Четвёртая нота запаздывала не из-за повреждения старого файла: в исходном инструментальном исполнении пауза тоже существовала. Мелодию выбрали из-за самой ошибки. Ему захотелось узнать, кто первым услышал в ней ключ и кому она была дорога до того, как превратилась в тест. Имени в метаданных не было.

На обложке физического носителя эксперт заметил название исполнителя, стёртое пальцем. Илья поискал общедоступную запись и нашёл домашний концерт, снятый за десятилетия до его рождения. Музыкант дважды ошибался в других местах, коротко сердился и продолжал играть. Четвёртая нота задерживалась всякий раз одинаково, потому что так он выбрал. Зал аплодировал в конце без представления, что часть этих звуков однажды станет инструментом для чужой медицинской истории. Илья выключил концерт прежде следующего исполнения. Он не хотел, чтобы мелодия навсегда превратилась в опасный сигнал, но пока не мог слушать её иначе.

Врач позднее предложит перенести файл в папку, которую невозможно запустить случайным касанием. Илья согласился и оставил себе право когда-нибудь вернуться к самой музыке без аппаратуры. Это право казалось странным после нападения воспоминания, но его собственное детство тоже содержало мелодии, которых он не должен был терять только потому, что Леон узнал один ритм раньше.

Антон прислал сообщение: «Ты едешь? Борщ остынет». Илья посмотрел на белый экран, пока буквы не перестали двоиться.

Он набрал: «Был приступ после записи. Я дома. Завтра приеду». Перечитал, прежде чем отправить. Если написать только «не могу», отец достроит худшую причину; если расписать все симптомы, они начнут лечить друг друга по переписке. Антон ответил через минуту: «Хорошо. Врача вызови сегодня. Борщ переживёт». Илья раздражённо заметил, что позвонить врачу уже решил сам, и не стал посылать это замечание. Нельзя заставить другого человека перестать беспокоиться только потому, что ты успел испугаться раньше него.

У отца борщ давно готовили кухонные автоматы. Антон всегда утверждал, что это его рецепт, и действительно каждый раз лично добавлял слишком много перца. Илья хотел сейчас именно этого — обычного вкуса, который не нуждался в происхождении.

Он позвонил врачу службы, к которому сам направлял людей после тяжёлых реконструкций. Не описал письмо Леона, только приступ после звукового ряда. Врач спросила, сколько он спал. Илья ответил честно. Затем попросила называть пять предметов в комнате и определить, где они находятся по отношению к нему. Он почувствовал себя школьником на проверке, но выполнил просьбу. Кухонный стол, чайник, полка, дверца шкафа — закрытая, окно. У него снова появилась возможность сказать, где он сейчас. Врач рекомендовала не повторять стимул и прийти утром. Он согласился и не пообещал, что не будет о нём думать.

Он выключил музыкальный файл и впервые открыл запись матери из семейного архива. Там маленький Илья возился с конструктором. Марина сидела за кадром. Слышно было, как она говорит:

— Если он сам попросит повторить музыкальный ряд, без врача не включайте.

Кому она это сказала, запись не сохранила.

Терминал показывал ещё пять минут домашнего видео. Илья досмотрел их, надеясь услышать следующее предложение. Ребёнок уронил деталь под диван и заставил взрослых искать её втроём. Марина первой опустилась на пол; Антон включил фонарик и светил не туда, пока сын не забрал его. Затем запись кончилась без объяснения запрета.

Илья отметил время фразы и запросил сведения об авторе копии. Видео перенесли из старого домашнего хранилища после смерти Марины, метаданные о человеке за камерой не сохранились. Он мог спросить Антона. Не спросил по связи — дал отцу время, которое тот просил после смерти Вейля.

Ночью четвёртая нота звучала в его голове без наушников. Он пробовал напеть мелодию иначе, чтобы проверить, принадлежит ли раздражение конкретной задержке. Любая исправленная версия казалась не просто чужой, а некрасивой. От этого не следовало, что Леон проснулся в нём. Музыка годами учит мозг ожидать определённого продолжения; однажды Илья и сам мог слышать её в детстве. Но мысль о повторном прослушивании теперь пугала. Он выключил звук во всей квартире и оставил включённым лишь тихий гул вентиляции.

Утром в клинике врач не стала начинать с названия проекта. Она выдала Илье три карточки с разными мелодиями и попросила показать, слышит ли он их в тишине без аппарата. Он сказал, что нота возникает сама, но лишь когда пытается заснуть. Во время разговора с ней её не было. Врач измерила время между предъявлением простой последовательности звуков и его ответом, сравнила с прошлогодним рабочим обследованием. Общая реакция оставалась в пределах нормы; на одном конкретном ряду задержка была заметной. Она не включала опасный отрывок повторно. Их цель состояла не в том, чтобы поймать симптом любой ценой.

— Я могу сегодня работать? — спросил Илья.

— С документами, если не будет нового провала. Без самостоятельного просмотра исходного файла. И пожалуйста, скажите человеку, который рядом с вами бывает, на какие признаки смотреть.

Он представил, как сообщает Дарье правила безопасности тем же тоном, которым читает инструкции свидетелям после реконструкции. От этого хотелось обойтись без человека рядом. Врач заметила паузу и предложила записать не диагноз, а конкретные признаки: потеря ориентации, длительность, боль, опасность упасть. Илья согласился. Сообщение Дарье получилось коротким. Она ответила, что прочитала, и ничего не добавила к его страху.

В коридоре клиники мальчик нёс в ладони расколотую деталь конструктора. Отец предложил заменить её, но ребёнок покачал головой: дома уже стоял мост, и эта деталь держала среднюю опору. Они искали в карманах обе половины. Илья уступил им место в лифте; когда кабина уехала, заметил, что больше не отбивает пальцами четыре ноты.

Глава 6. Марина Орлова

На следующий вечер Антон поставил на стол две тарелки и не стал спрашивать о Вейле, пока Илья не доел. В квартире горели старые лампы. Когда-то Марина называла их «лампами для человеческого лица», хотя в них просто плохо читались документы. Отец видел сообщение врача, пересланное Ильёй утром, и не превращал ужин в осмотр.

В прихожей стояли её сапоги. Антон не хранил квартиру нетронутой: в первый год после смерти поменял мебель и наконец выбросил сломанный тостер, из-за которого они с Мариной спорили. Сапоги остались, потому что подходили гостям, застрявшим здесь под дождём. Илья однажды предложил их убрать, Антон ответил, что тогда придётся выбрасывать и все ложки, которыми она пользовалась. Он шутил, но Илья перестал поднимать эту тему.

Сегодня сапоги были сухими. Илья остановился рядом дольше, чем требовалось, чтобы снять собственную обувь.

— Она работала с Вейлем? — спросил Илья.

— Работала. Потом перестала. Они поссорились.

— Из-за чего?

— Я не знаю.

Антон произнёс это без привычной отговорки, с какой говорят о чужой профессии. Он действительно не знал. Илья ненадолго испытал облегчение, а затем разозлился на него за то, что оно было.

Отец достал коробку с переездными карточками. Внутри лежали ключи от квартир, уже не существовавших на карте, бумажные записки с адресами школ, пропуск Марины в институт. Семь городов. Илья помнил их как цепь разорванных знакомств. Трижды он успевал подружиться с кем-то за неделю до отъезда. В девять лет объявил, что новый класс не нужен, потому что скоро появится следующий.

— Работа требовала? — спросил он.

— Не всякий раз. Однажды я получил контракт. В другой раз твоей матери не понравилось, как с тобой разговаривали в школе.

— А остальные?

— Она не всегда объясняла.

Антон сел напротив. Кожа на его руках стала тоньше, чем Илья привык замечать.

Он рассказывал о первом переезде: им предложили квартиру за один день, и Марина всю ночь собирала книги, оставляя на полу вещи, без которых невозможно было прожить следующую неделю. Во втором городе она потеряла документы, в третьем научилась печь хлеб, потому что рядом не нашлось пекарни. Никакой идеально управляющей матери в этих рассказах не было. Илья ловил себя на том, что пытается обнаружить за каждой нелепостью расчёт и сердится, когда не находит.

— У нас не было тайного совета, на котором решали, как построить тебе жизнь. Мы спорили, ошибались. Иногда переезжали потому, что по-другому она не могла спать.

Илья поставил перед ним снимок лаборатории.

— Это было до меня. Но она знала этих людей. Один оставил мне письмо ещё до рождения. Другой недавно умер. Что мне делать с твоим «мы ошибались»?

— Я могу рассказать только то, что знаю.

Он рассказал о первой встрече с Мариной не в лаборатории, а в мастерской. Она принесла сломанный считыватель и отказалась оставлять его без расписки, потому что внутри были рабочие материалы. Антон рассердился на недоверие, сделал расписку на обороте чека и неделю спустя обнаружил, что устройство не сломалось: она просто вставила старый картридж

не той стороной. Когда Марина пришла, он приготовил язвительную речь. Она рассмеялась над собой первой, и он забыл половину заготовленных слов.

Антон открыл старую мастерскую на домашнем экране. Там теперь продавали автоматические фильтры, но на фотографии вывески оставалась выцветшая буква его фамилии. Когда Марина принесла считыватель во второй раз, она уверяла, что с новым картриджем прибор снова выдаёт пустую строку. Антон проверил питание, кабель, даже линзу, потом обнаружил, что она стёрла нужный файл собственным архивным ключом. Ей было стыдно сильнее, чем в первый визит. Он не сумел восстановить данные, а она неожиданно поблагодарила за ясный ответ: в институте ей три дня обещали, что ничего не потеряно. Вечером они пошли ужинать. Вместо любимой им истории о смешной ошибке у их знакомства была и другая — о файле, который никто не мог вернуть.

— Что было в нём? — спросил Илья.

— Она не сказала. Это было до тебя. Я спросил один раз и потом прекратил. Может быть, обычные расчёты. Мы тогда только познакомились.

В прежних рассказах отец обрывал сцену на смехе Марины, будто любовь началась с того, что обоим удалось посмеяться. Сегодня продолжил дальше: она сердилась всю дорогу до ресторана, потому что утратила работу нескольких дней, и отобрала у него счёт. Он вспомнил цену ужина, но не место и не то, как она была одета. Их общее прошлое тоже имело участки разной ясности. Илья почему-то был благодарен, что Антон не присочинил красивую полноту именно сейчас, когда сын требовал полной правды.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил Илья.

— Потому что ты спрашиваешь, кем она была рядом с этими людьми. Я могу сказать, кем была рядом со мной. Это не ответ на всё, но оно тоже существует.

Взрослый Илья раньше любил эту историю. Сегодня её можно было услышать как начало семьи после проекта, но невозможно было установить, в какой день женщина окончательно перестала работать на проект и стала просто женщиной, забывшей повернуть картридж. Возможно, такого дня не было.

— Ты должен был спросить её.

Антон опустил взгляд на снимок. Впервые за весь вечер казался не отцом, объясняющим семейную историю, а мужем, который тоже пытался собрать её по обрывкам.

— Однажды я спросил, куда она ездила по ночам, — сказал он. — Думал, встречается с кем-то. Она показала отчёт о больном ребёнке. Имя было закрыто, я видел только время консультации. Мне стало стыдно за ревность. Через много лет понял, что стыд оказался удобным: после него я уже не решался снова спросить, что она делает в институте.

Он вспомнил, как однажды Марина вернулась утром, поставила в раковину чашку и заснула прямо в пальто. Антон накрыл её одеялом, потом отвёл маленького Илью в школу. Вечером оба сделали вид, будто утром ничего необычного не случилось. Если бы отец заподозрил у неё незаконную работу, мог бы потребовать объяснений тогда. Он видел человека, который пытался одновременно работать и жить с ними, и выбирал помощь в ближайших двух часах. Илья хотел спросить, как долго можно оправдывать молчание таким выбором. Вместо этого налил им ещё чаю. Вопрос не исчез; они просто получили возможность задать его, когда не будут уставшими оба.

— Я спрашивал, — сказал он. — Иногда она отвечала. Иногда начинала плакать. Я решил, что у меня есть право не допытываться.

— Ты даже не знал, чего она боится?

— Знал, что с тобой может что-то случиться. Но такой страх есть у любого родителя. Она знала ещё и подробности, которых мне не называла. Если я пытался узнать, отвечала, что не может говорить о других детях.

— Удобная ссылка на тайну.

— Да. Особенно если другие дети действительно были.

Илья хотел спросить, считает ли Антон своё молчание ошибкой. Тот уже ответил несколькими фразами раньше. На столе остывал суп; отец не тянулся за хлебом, хотя обычно съедал половину буханки. Они оба понимали, что вопрос о Марине начинает превращаться в вопрос о них.

Илья хотел сказать что-то об этом праве. Не сказал.

Позже, пока Антон убирал посуду, он открыл старый институтский архив. Марина числилась в отделе адаптивного развития, переведена оттуда задолго до рождения сына, затем добровольно отказалась от допуска. В её переписке встречался Леон: научный спор о том, можно ли считать реакцию мозга доказательством сохранения человека. Илья знал, какую сторону такого спора выбрал бы сам. Он узнал собственные обороты в письме Леона — и впервые испугался не того, что похож на чужого, а того, что разница между ними может оказаться слишком трудной для доказательства.

В письме Марина возражала Леону не готовой философией. Она привела случай мальчика, который после процедуры узнавал запах дома предшественника, но не мог объяснить, почему любит звуки своего нынешнего двора. «Вы измеряете узнавание, — написала она, — потому что ещё не умеете измерять, что ему нравится без вашей подсказки». Леон ответил через два дня. Признал слабость теста, предложил новый. Не обиделся на тон, как обычно обижались люди, которым приходилось менять любимую формулу.

Илья прочёл спор несколько раз. Если бы он встретил обоих без знания собственной истории, в некоторые минуты согласился бы с Леоном. Это не означало, что мысли Леона побеждают через матрицу. Любой учёный иногда прав даже тогда, когда его будущий проект опасен. Ему хотелось сохранить способность замечать это, не сдавая свою жизнь в архив.

На дне коробки нашлась фотография. Марина на берегу канала, ветер прижал к её пальто бумажный пакет. Рядом Леон, в светлой куртке, улыбается фотографу. Она держит его за локоть. Илья долго рассматривал их руки. Снимок ничего не доказывал. От этого не становилось легче.

На обратной стороне снимка была дата и короткая надпись Вейля: «После совещания. Пакет с бумагами спасли не весь». Антон рассказал, что годы спустя Марина искала листы, потерянные тогда у канала. Один ей понадобился для научного спора с Леоном: она хотела доказать, что результат детской пробы нельзя считать свободным выбором. Антон помогал просматривать старые папки, не зная ни имени ребёнка, ни точной темы. Марина нашла лист без подписи и всё равно отказалась предъявлять его комиссии. Не могла подтвердить происхождение бумаги. Илья спросил, где она теперь. Антон открыл коробку снова; среди документов были несколько листов с обтрёпанным краем, но ни один нельзя было уверенно назвать тем самым. Они не стали присваивать красивой фотографии утраченный документ только потому, что это связывало бы две половины её жизни.

Пока искали, Антон обнаружил квитанцию о ремонте холодильника в первый год их брака. На обороте Марина записала список продуктов для нового города. Они тогда жили в разных местах и собирались переехать вместе, когда она закончит работу. В списке рядом с рисом и мылом стояло «купить лампу, которая не мерцает». У Ильи в детстве от мерцания болела голова, но он тогда ещё не родился. Антон объяснил: мерцание раздражало саму Марину. Ему стало неловко, как быстро он попытался приписать всякую её прежнюю покупку подготовке собственного появления.

Отец не замечал, сколько времени прошло. Суп уже остыл второй раз, а они ещё держали открытой коробку. Антон предложил записать, в каком порядке они вынимали вещи: после прошлой ссоры он две недели не мог найти страховой полис. Илья достал свой рабочий терминал, потом отложил и подписал пачки на бумаге. Отец узнал почерк Марины на старом ярлыке

и показал, как она писала букву «т» почти как печатную. Илья писал иначе. Они потратили несколько минут на этот пустяк, прежде чем вернуться к фотографии Леона.

Антон подошёл, увидел фото и отвернулся к окну. Он сказал, что фотографом был Вейль; Марина рассказывала о том дне, потому что пакет разорвало ветром и все трое гонялись за бумагами по набережной. Илья никогда не слышал этой истории. Родители не обязаны рассказывать детям каждый случай из прежней жизни. Но он всё же почувствовал себя чужим человеком, которому выдали биографию матери после того, как возможность спросить исчезла.

— У них было что-то? — спросил он.

Антон вздохнул.

Илья почти сразу пожалел о вопросе, но не попросил отца забыть его. У Антона было прошлое до Марины; он тоже не рассказывал сыну обо всех людях, которых любил. Сегодня портрет Леона казался готовым захватить всякую прежнюю близость матери, и Илья искал запретить ему хотя бы эту. Антон не ответил поспешным «нет», которое могло бы утешить обоих на одну минуту.

— Не знаю. Она любила людей до меня. Не требовал, чтобы мне перечислили всех. Если это сейчас важно для твоего дела, ищи доказательства. Я тебе врать не буду и придумывать тоже.

Илья убрал снимок в коробку. Ему стало неловко за вопрос и за то, что часть его всё равно хотела услышать определённое «нет».

Глава 7. Леон

Леон Маркелов был человеком, о котором существовало слишком много официальных сведений и слишком мало рассказов. Учёный, один из создателей модели корневой памяти, погиб сорок лет назад, в 2149 году, в аварии на северной линии. Его труды ещё цитировали, но большую часть исходных данных закрыли после распада проекта «Почерк».

Сначала Илья открыл общедоступный архив. Туда попали выступления, которые часто разносили на короткие цитаты. В одной Леон говорил, что личность не сводится к хранилищу событий; вырезанный фрагмент заканчивался на слове «не», так что им пользовались люди с противоположными убеждениями. Другая лекция касалась того, как маленький ребёнок узнаёт дорогу раньше, чем умеет описать её словами. Илья выключил её на середине: он помнил, как в детстве объяснял Антону путь по запаху пекарни, и не хотел сегодня выслушивать объяснение собственной привычки голосом Леона.

Он составил таблицу дат. Доклад о модели — 2136-й. Первые этические возражения — на год позже. Письмо будущему носителю — 2147-й. Авария — 2149-й. Между последними событиями оставались два года, о которых открытые архивы говорили скупое. Значит, мысль о будущем адресате Леон пережил не как последнюю прихоть перед смертью. Он мог вернуться к записи, исправить её, отменить. Не сделал этого — или не смог.

Илья нашёл контакт бывшей студентки Леона по старой подписи под открытым письмом. Она ответила не сразу. Когда связь установилась, спросила, в каком качестве с ней говорят: как с историческим источником или как с человеком, способным помнить преподавателя. Илья сказал, что не знает, и она предложила начать с того, что может утверждать без архивов.

Леон заставлял студентов дважды сдавать одно и то же задание. Первый раз — подписав решения, второй — анонимно, через месяц. Потом показывал им расхождения и просил объяснить, почему память о собственном рассуждении кажется точнее самого листа. Студентка сперва считала приём жестоким. Однажды ей пришлось найти ошибку в расчёте лаборатории, где все уверяли, что прекрасно помнят совещание. Старое упражнение помогло настоять на просмотре записи. Она поблагодарила учителя; он спросил, не стала ли она теперь меньше доверять людям. Она ответила: «Напротив, мне стало проще просить их проверить меня».

— После смерти Николая мы думали, Леон больше не выйдет к доске, — сказала она. — Через месяц он вернулся. Все смотрели на руку, которой он держал мел. Леон попросил не делать вид, что дело не произошло. Тогда мы ещё не знали, что суд признаёт его виновным. Но уже знали, что он ударил человека. На той лекции он говорил хуже обычного. Несколько раз терял мысль, один раз разозлился на студентку, которая задала честный вопрос. Потом написал ей извинение. Я сохранила письмо: там он не искал оправдания своей вспышке.

Она согласилась переслать открытый текст извинения, отказалась передавать личную переписку. Илья не спросил, уважает ли она теперь Леона. Почти наверняка её ответ был бы сложнее вопроса. Он поблагодарил за границу и закрыл связь. В материалах появилась биография, которую нельзя было без остатка сложить из преступления, научных заслуг или одного узнаваемого жеста с карандашом.

В конце одной лекции девушка из аудитории спросила Леона, хочет ли он сам однажды стать носителем чужой модели. Тот задумался дольше, чем на любой технический вопрос, и ответил: «Меня пугает возможность не заметить, кто принял решение за меня». Несколько слушателей засмеялись: им показалось забавным, что изобретатель боится собственного изобретения. Николай, сидевший в первом ряду, не смеялся. Запись кончилась раньше их разговора после занятия.

Илья нашёл ту студентку в переписке с кафедрой. После занятия она попросила добавить в учебный план разговор с человеком, который уже жил с экспериментальной линией,

а не только обсуждение будущих носителей. Леон ответил, что ни один участник не согласился выступать перед незнакомой аудиторией и он не станет предлагать им снова ради красивого урока. Девушка предложила анонимные вопросы без видео. Через месяц на семинаре прочли письменный ответ одного носителя: «Прежде чем спрашивать, хочу ли я быть собой, спросите, можно ли мне сегодня не говорить о предшественнике». Илья узнал в этой старой записке будущее молчание четвёртого участника голосования. Между ними не было мистической связи, только повторяющаяся человеческая просьба, которую кафедра один раз всё-таки сумела услышать.

Илья отметил дату. Леон тогда ещё спорил за продолжение испытаний. Его страх не мешал делать то, чего боялся для себя. В этом противоречии было удобное основание осудить его целиком, а также неудобное напоминание: знание об опасности не всегда превращается в нужное действие. Илья не хотел, чтобы собственная профессиональная осторожность однажды служила доказательством, будто он не мог ошибиться.

Среди студенческих работ оказалась задача, которую Леон не смог оценить с первого раза. Студент предлагал проверять сохранность личности не совпадением слов, а способностью человека отказаться от прежней привычки, если она вредна. Леон написал на полях: «Тогда хорошо изменившийся человек окажется у вас хуже сохранённого». Студент ответил: «Зачем считать это хуже?» Они обменялись ещё двумя письмами. Леон поставил высокую оценку за точность вопроса, не принял предложенную методику и попросил автора участвовать в следующем исследовании. Тот отказался: его семье нужна была работа в другом городе. Илья увидел, как научное разногласие однажды закончилось не победой аргумента, а расписанием поезда.

В публичной биографии студента позже стояла профессия инженера мостов. Он действительно построил переправу в одном из городов, где жил маленький Илья. Десятилетия между Леоном и сыном сворачивались на карте в один пункт, но встреч между ними не было. Илья заметил свою склонность собирать из таких совпадений тайное родство вещей. Бывший студент выбрал иной труд и прожил обычную самостоятельную жизнь. Его возражение Леону можно было прочесть без того, чтобы превращать мост в знамение для носителя.

Студентка переслала обещанный текст извинения и отдельную запись о курсе, которую разрешила публиковать много лет назад. В аудитории Леон проводил простой опыт: просил студентов составить короткий маршрут по зданию, а спустя месяц — восстановить, где именно они свернули. Половина уверенно рисовала коридор, по которому в тот день нельзя было пройти из-за ремонта. У двух студентов совпала ложная деталь — зелёная дверь. Оба видели её в других этажах и потом обсуждали экзамен между собой. Леон не радовался ошибкам. Подчеркнул в таблице, что у людей есть история общения между записью и воспоминанием и эту историю нельзя выкинуть из расчёта.

Один молодой слушатель спросил, зачем тогда вообще нужна память свидетеля. Леон вывел его к окну: во дворе автобус задел припаркованную тележку с книгами. Студенты бросились смотреть. Через минуту каждый смог назвать направление движения автобуса, ни один не был уверен в его номере. Леон предложил не вызывать аварию ради урока и тут же позвонил охране двора. Позже запись об инциденте стала частью его статьи. Илья сверил её с первичным журналом: автобус не задел тележку, водитель резко затормозил перед ней, а книги упали от толчка человека, который успел убрать её с дороги. На учебном видео Леон сам ошибся в том, что видел.

В статье это было исправлено с его подписью. Илья долго смотрел на два кадра: преподаватель у окна, знающий как недостоверна память, и тот же человек, уверенно произносящий неверный глагол. Сначала ему хотелось обнаружить самодовольное лицемерие. Вместо этого он нашёл простое свидетельство, что метод нужен прежде всего тем, кто его придумал. Это не давало Леону алиби для смерти Николая; о ней требовались другие документы. Он записал оба сюжета отдельно, чтобы случай с автобусом не стал удобным образом всего человека.

Среди открытых материалов оказался журнал аварийной смены 2140 года. Тогда вода поднялась в старом корпусе и отключила часть охлаждения архива. В журнале перечисляли шкафы, влажность, время переноса медицинского оборудования. К нему случайно приложили двадцать минут видеосвязи трёх основателей, которую потом оставили как документ о ходе работ. Илья включил её, ожидая увидеть разговор о ценности моделей. Сначала увидел человека, пытающегося открыть разбухшую дверь плечом, и услышал, как в коридоре плачет ребёнок. Камера висела высоко и почти ничего не показывала, зато голоса становились отчётливее, когда люди подходили к лестнице.

Николай хотел перевести дежурных врачей в верхнюю палату: там уже находились дети с ранними приступами, а запасные приборы стояли под водой. Леон возражал против переноса всех — если нижний сервер перестанет отвечать, врачи лишатся персональных настроек терапии. На записи его фраза звучала ужасно: «Без данных мы не узнаем, кому помогать». Николай ответил: «Они уже наверху. Ты знаешь, где они». София, первая из двух женщин с этим именем, перебила обоих и спросила техника о конкретном времени до отключения. Четырнадцать минут, если вода не прибавится. Она отправила одну группу с врачами вверх, вторую — снять текущие настройки для сегодняшних пациентов на отдельный носитель. Полный архив остался внизу под защитой автоматических дверей. Ни один из мужчин не предложил такого разделения достаточно быстро. Когда Леон побежал за техником, Николай уже нёс наверх коробку лекарств.

Илья перемотал запись, чтобы услышать, кто впервые произнёс имя ребёнка, плакавшего в коридоре. Не нашёл. Камера не имела права записывать пациентов, и микрофон приглушал палату. В бумажном журнале стояла лишь отметка: все находившиеся в корпусе переведены без ухудшения; один ребёнок отказался спускаться за оставленной игрушкой. Леон через час принесёт ему деревянную лодку с отбитым носом. Поздняя подпись к этому кадру называла поступок учёного доказательством любви к детям проекта. Из самой записи следовало более скромное: он услышал, чего ребёнок просил, и у него нашлась минута сходить в сухую комнату. Это было хорошо и не решало его будущего спора с Николаем.

Оставшиеся десять минут трое обсуждали не происхождение сознания, а то, кому принадлежит отложенный на отдельный носитель ключ. Николай настаивал, чтобы после аварии его не оставили в свободном доступе исследователям. Леон отвечал, что врачу ночью нельзя каждый раз искать двух учёных за подписью, если у ребёнка приступ. София предложила хранить медицинские настройки отдельно от материала для сравнения линий и записывать каждое исключение. Они согласились сделать временно и спорили о времени действия правила; в итоге назначили проверку через месяц. Илья нашёл её протокол: проверка состоялась, доступ разделили лишь частично. Много лет спустя спор о границах доступа снова возникнет в деле Вейля и при передаче медицинских ключей. Между старым спором и убийством не было прямого приказа, но существовала дверь, которую так и не научились запирать без вреда для больных.

После аварии Николай принёс Леону мокрый лист с настройками и попросил просушить его отдельно от пациентских карт. Леон забыл и положил рядом с общими бумагами; на следующем кадре София в серой куртке перекладывала листы и ворчала на обоих. Они ещё умели работать рядом, не назначая последнему исправившему всеобщую победу. Илья остановил запись там, где три пары рук держали края одной папки, чтобы она не упала с тележки. Через семь лет Леон ударит Николая. Ни это будущее преступление не стирало аварийную смену, ни одна совместно спасённая папка не могла уменьшить будущую вину. Ему было важно, что история двух людей когда-то состояла из рабочих часов, в которых они разошлись по делам и всё-таки вернулись в одну комнату.

Илья прочитал всё, что мог получить без специального допуска. В биографии значились лекции, премии, отказ от большой должности. Не значились жена и дети. На архивной записи с научной встречи Леон перебивал выступающего, потом извинился и выслушал его до конца.

На снимках он то и дело держал карандаш поперёк пальцев. Илья обнаружил, что сам держит его так же, и положил на стол.

Внизу лекции стояли комментарии его бывших студентов. Один утверждал, что Илья «говорит почти его словами». Другой возражал, что сходство касается только пауз, а выводы противоположны. Они обсуждали преподавателя так же свободно, как фрагмент старого видео, не зная, что тот читает их ночью и ищет в собственных лекциях след чужого человека.

Он отключил уведомления. Карандаш продолжал лежать у края стола. Ему хотелось поднять его обычным способом, проверить, получится ли иначе. Вместо этого он убрал обе руки под стол, словно преподаватель застал его за чем-то постыдным.

Дарья пришла вечером. Она принесла пропуск на опрос одного из старых сотрудников института и пакет с яблоками. Уже у двери заметила разложенные фотографии.

— Он похож на тебя? — спросила она.

— Лицом нет. Все считают, что да?

— Я не видела их всех.

Илья указал на лист со сравнением письма Леона и собственной статьи десятилетней давности.

— Взгляни на аргумент. Он почти мой.

— Почти.

— Ты всегда выхватываешь это слово, когда выгодно.

— Потому что оно здесь есть.

Дарья вынула яблоки из пакета и положила рядом с разложенными фотографиями. Илья наблюдал за её руками с абсурдной надеждой увидеть движение, которое он никогда не стал бы объяснять наследством чужой памяти.

— На работе меня сегодня попросили передать дело Вейля другой группе, — сказала она. — Я отказалась, пока не проверю связь с Реестром.

— Ты рискуешь должностью?

— Пока только терпением начальника.

— Ты не должна делать это из-за меня.

— Я делаю из-за поддельного доступа. И из-за того, что при осмотре квартиры Вейля нашли ваше семейное имя. Мы можем говорить о работе, не притворяясь, что тебя в ней нет.

Он хотел поблагодарить и почему-то стал объяснять текст Леона. Дарья слушала, иногда задавая очень короткий вопрос, так что к моменту, когда он дошёл до собственных опасений, его уже не нужно было вытаскивать из каждого предложения.

Он рассказал ей о музыке и комнате, которую увидел. Дарья выслушала, затем спросила, записал ли он свою реакцию до знакомства с фотографиями и перечнем. Да, записал; но видел снимок с обожжённой рукой Николая раньше. Доказательством видение не было.

— Мне сейчас не нужен эксперт, — сказал Илья.

— Какой ответ тебе нужен?

— Что это невозможно.

— Этого я не знаю.

Её честность была невыносима именно потому, что он в ней нуждался. Илья вышел на лестничную клетку, будто мог найти там воздух, которого не хватало в квартире. Дарья пошла за ним не сразу.

— Ты боишься, что сделаешь то, что сделал он, — сказала она через дверь.

— Я ещё не знаю, что он сделал.

— Вот именно.

Несколько минут они стояли на разных ступенях. Внизу соседка ругала доставщика за мокрые следы. Жизнь дома продолжалась в привычном масштабе, и Илью это оскорбляло, пока не помогло ему вернуться.

Дверь квартиры оставалась приоткрытой. Свет ложился на ступеньку узкой полосой. Дарья могла уйти, и он не имел права удерживать её только потому, что ему было страшно. Но возможность, что она уйдёт, оказалась больнее самой ссоры.

— Когда всё началось, — сказал он, — я решил, что разберу письмо как чужое дело. Потом увидел маму на снимке. Теперь не могу решить, какое предложение в моей голове произнёс я.

Дарья подошла на ступеньку ближе.

— То, что ты сейчас сказал, произнёс ты.

Он хотел возразить, что и это нельзя доказать, но услышал усталость в собственном голосе раньше, чем слова вышли наружу. Ей не требовалось доказывать его существование в коридоре собственного дома.

Дарья не попросила извинений. Он предложил ей яблоко из принесённого ею пакета. Она выбрала самое маленькое.

Перед уходом она сказала:

— Я проверила состояние дела Вейля. Официально это убийство. Медицинский ключ применили уже после остановки сердечного ритма.

— Значит, письмо отправил убийца.

— Он запустил условие. Письмо оставил Леон.

Эти два действия разделяли сорок два года. Наутро Илья собирался встретиться с человеком, который мог знать, как их связали.

Глава 8. Корень

Сотрудница старого института встретила их у грузового входа. Представилась Верой и сразу попросила не записывать разговор. Дарья ответила, что для официальных сведений это невозможно. Тогда Вера предложила сперва говорить о кофе. Дарья согласилась с условием, что после кофе они оформят всё существенное.

Они прошли мимо комнаты, где когда-то хранили камеры для первых записей. Теперь там стояли стеллажи с коробками одежды пациентов: шарфы, найденные после эвакуаций, сменная обувь, вещи, за которыми никто не вернулся. На двери сохранилась старая надпись «Оцифровка». Новый ярлык говорил «Хранение личного». Илья задержался, заметив два слоя названия. Вера увидела его взгляд.

— Сначала здесь держали людей по несколько часов, пока ждали свободный аппарат, — сказала она. — Потом аппараты стали меньше. Комната осталась. Здания хорошо умеют переживать намерения.

Вере было за семьдесят. Она иногда теряла слово посреди фразы и добиралась до него окольным путём, с раздражением человека, который помнит дорогу, но видит перед собой новый забор. В её кабинете стояли живые цветы и старый прибор с тёмным экраном.

Пока Вера искала ложку, Илья разглядывал календарь на стене. Его заполняли короткими записями без врачебных пометок: «вторник, пересадить», «пятница, концерт», «позвонить Амине». Последняя строка была перечёркнута не полностью. Илья прочёл её прежде, чем понял, что влезает в чужой порядок жизни. Вера вернулась с ложкой, заметила направление его взгляда и сама повернула календарь к себе. Вчера она собиралась позвонить Амине из-за черенка, который перестал пускать корни. Теперь не знала, что делать с пустой клеткой.

— Вы работали вместе? — спросил он.

— В разные годы. Последнее время она проверяла меня, а я пыталась делать вид, что помощь мне не нужна.

Вера показала лампу для растений с новым проводом. Амина недавно отметила на проводе красной краской место, где он перегибался. Из-за этого им не пришлось менять всю лампу. Илья запомнил след и спросил, занималась ли Амина доступом к хранилищу. Вера кивнула: та знала устройства лучше многих создателей, потому что именно ей приходилось чинить их после дождя. От ответа к началу официального разговора их отделяли ложка, старый провод и непрожитый телефонный звонок. Дарья обозначила на протоколе, что сведения о хранении получены после согласия Веры, а слова о календаре туда не внесла.

Когда чашки наконец были наполнены, Вера перепутала сахар и соль. Попробовала сама, засмеялась и вылила одну чашку. Илья вспомнил, как пациенты иногда смеялись прежде, чем их успевали пожалеть. Он не сказал ей, что ничего страшного. Вера и так знала. Он достал чистую чашку и спросил, где поставить её, чтобы не задеть тёмный прибор. Она показала место возле окна; там на столе осталось пятно от горшка. Некоторое время они занимались устройством простого визита, и Илье удалось перестать смотреть на её руки как на результат обследования.

Она трижды поставила на стол только две чашки и наконец спросила, будет ли Илья кофе. Он ответил, что будет, хотя за утро выпил достаточно. Вера улыбнулась, будто заметила эту маленькую уступку. Не подталкивала их к делу, пока заваривается напиток, рассказывала о том, как внизу опять протекла труба. Дарья использовала паузу, чтобы разложить согласие на запись. Вера прочла его целиком, удерживая лист на свету.

— Марина просила меня никогда не встречаться с ним, — сказала Вера, взглянув на Илью. — Потом умерла, а обещание осталось. Не знаю, кому оно теперь принадлежит.

Она объяснила, зачем проекту «Почерк» понадобились дети. Проект не переносил готовое сознание. Он задавал раннему мозгу набор устойчивых путей, по которым могли развиваться склонности, распознавания, способы связывать опыт. В течение жизни новое тело собирало собственную личность. Но у некоторых носителей позднее открывались ключи к фрагментам прежних воспоминаний.

— Представьте тропинки до того, как вырос лес, — сказала Вера. — Если вести по ним людей достаточно долго, они станут дорогами. Потом вы посадите новые деревья, постройте дом, проведёте мост через речку. Никто из тех, кто проложил тропы, уже не решает, куда сегодня идёт хозяин дома. Но в определённую погоду ноги всё равно выбирают старый путь.

— Поэтому моя рука знает музыку?

— Поэтому некоторые звуки открывают старые связи. Но слышите их вы. Леон услышал бы иначе, даже если бы дожил до этого дня.

Вера показала две анонимные записи младших носителей одной исследовательской линии. Им предъявляли одинаковый зрительный узор. Первый сразу находил выход из схемы и смеялся от удовольствия; второй тоже находил, но просил больше никогда не показывать рисунок. Путь решения был близким. Значение, которое люди придавали результату, различалось. Один и тот же аттрактор не произвёл двух одинаковых детств.

Первый участник потом использовал похожие задачи в работе: проектировал городские указатели, чтобы люди с нарушением внимания не пропускали нужный поворот. Второй выбрал профессию, где схемы появлялись редко, и годами отказывался от повторных тестов. Вера не называла имён, но знала обоих взрослыми и никогда не утверждала, что удача первого делает работу проекта хорошей, а страх второго — доказательством её ошибки целиком. Она хранила рядом их письма о согласии: первый разрешал публично показывать несколько секунд радости, второй — только сухие данные, без лица. Если студент медицинской школы хотел увидеть второй ролик, Вера отвечала отказом и предлагала поговорить о том, почему его любопытство не является правом доступа.

Дарья спросила, не исчезнут ли такие исследования, если слишком тщательно защищать каждую запись. Вера ответила, что часть действительно станет труднее. В первые годы они копировали ролики без долгих вопросов, и потому теперь имели большой архив. Многие согласия невозможно получить задним числом: люди умерли, сменили имена, больше не желают контакта. Она не собиралась объявлять этот архив свободным для будущих врачей лишь потому, что он дорого достался. Илья видел, как она рукой прикрывает экран со вторым ребёнком, прежде чем выключить. Ей было жаль полезного знания, которое нельзя показать, и это сожаление не заставило её открыть файл.

— Они оба выросли? — спросил Илья.

— Да. Один разрешил показывать эту часть теста студентам. Другой согласился лишь на обезличенный результат. Поэтому вы сейчас знаете их ответы и не знаете имён.

Он вспомнил, как сам показывал аудитории ложное воспоминание Надежды Ким без лица и адреса. Впервые подумал, достаточно ли всегда было такого способа сохранить её право на собственную историю.

Она закрыла глаза, восстанавливая название одного из показателей. Илья дождался. Вера нашла слово сама и произнесла с маленькой победной улыбкой.

— Аттрактор. Слово звучит так, будто прошлое притягивает вас обратно. На деле оно описывает лишь вероятности. Можно прожить рядом со старой дорогой всю жизнь и никогда по ней не пройти.

— Он что, рос внутри меня? — спросил Илья.

Вера поморщилась.

— Так нельзя сказать, не солгав. Леон умер. Вы родились. Между этими событиями нет непрерывного субъекта, который можно показать прибором. Есть модель, оказавшаяся в вашем развитии.

— А запись знает меня лучше вас?

— Запись знает, как вы отвечаете на несколько вопросов. Я знаю, что вы спросили сейчас.

Вера сказала это без утешительной интонации. Она не предлагала ему забыть процент; просила не позволять ему вытеснить всё, что ещё можно узнать.

Когда Дарья попросила её описать медицинский риск активной пробы, Вера встала у старого прибора и включила только внешний экран. Там были пути старой модели, линии без лиц и дат. При повышении стимула они становились ярче, но яркость не означала, что человек лучше узнаёт себя. Она показала график первой Софии после процедуры и свой собственный, с другого исследования: один и тот же спад реакции сопровождался у Софии облегчением, у Веры — несколькими днями раздражения и трудности подбирать слова. У Веры не было корневой линии основателей. Врачи применяли похожие методы к другим нарушениям памяти; поэтому она знала их и как исследователь, и как пациентка.

— Вы сейчас лечитесь у Софии? — спросил Илья.

— Иногда. Сегодняшний препарат не требует её большого ключа. Если однажды потребуется, я сама приду к этому разговору.

Она сняла с прибора старую крышку, под которой сохранилась дата последней калибровки. Рядом кто-то карандашом записал «не использовать после дождя». Вера объяснила, что ранний аппарат принимал скачки напряжения в сырых комнатах за когнитивный отклик. Именно из-за таких ошибок они начали хранить сырые сигналы отдельно от красивых графиков. Илья представил, как нынешняя система, уверенно называвшая его продолжением Леона, выросла из этих несовершенных измерений. Ольга уже проверила независимые копии и не нашла такого сбоя у него. Всё же было важно увидеть, что уверенность аппарата сложилась из множества человеческих исправлений, а не из древней истины, обнаруженной одним вечером.

Вера предложила ему самому закрыть крышку. Он сделал это и заметил, что ручка люфтит. Она давно хотела починить крепление, но забывала попросить. Илья записал это на календаре под её диктовку; Дарья добавила номер мастерской. Вера посмотрела на оба почерка и заметила: «Вот теперь у меня есть полезный результат сегодняшней экспертизы». Она улыбалась прибору, а не ему. Он решил, что вернётся к вопросу о Николае позже, когда сможет разговаривать, не ожидая от каждого старого предмета немедленного откровения.

Дарья начала официальный протокол. Вера не возражала. Когда речь дошла до основательской верификации, она вывела старую запись.

PALIMPSEST ROOT MODEL.

Под ней открылись три имени: Маркелов, Савельев, Рен. У каждого — доля доступа, ограниченная другим хранителем. После смерти Карельсена, одного из поздних независимых хранителей, за последние недели изменился режим ожидания. После смерти Вейля корневая модель начала искать живого адресата.

— Но Рен умерла, — сказал Илья.

Вера взглянула на экран, затем на него.

— Первая София. Да. Иногда в делах один человек занимает больше одной строки. Об этом вам лучше поговорить с нынешней Софией лично.

Дарья сделала пометку. Она могла спросить больше, но Вера уже растеряла нить: искала в интерфейсе имя человека, которого они не называли. Илья понял, что обещание Марине не встречаться с ним стоило ей сегодня больших усилий, чем он представлял.

— Почему Марина не рассказала? — спросил Илья.

— Потому что не знала, каким вы станете, когда узнаете. Потом узнала вас и всё равно не решилась.

Вера рассказала о встрече с Мариной, когда Илье было двадцать пять. Он уже работал со свидетельскими воспоминаниями и опубликовал заметку о случаях, где поздняя уверенность в деталях растёт одновременно с ухудшением знания об источнике. Марина принесла распечатку, попросила Веру прочитать вслух последнюю страницу: там сын требовал от экспертов писать не только вывод, но и всё, чего пока не знают. Вера сказала, что он переживёт разговор о своём происхождении лучше, чем мать думает. Марина спросила, имеет ли врач право делать такой прогноз о сыне заочно. Вера признала, что нет. И всё же после этой встречи ещё два раза напоминала ей о праве взрослого Ильи спросить. Марина благодарила и уходила с распечаткой.

Илья помнил, как мать поздравила его с публикацией и поправила в тексте одно неточное слово. Он рассердился: хотелось похвалы без редакторской правки. Сейчас узнал, что она прочитала статью гораздо внимательнее, чем он думал, и всё равно оставила разговор на полях. Это знание не делало их ссору менее настоящей. Оно показывало, что её страх пережил доказательство его взрослости, которым она сама гордилась.

Вера закрыла журнал. Дрожь в её руке была небольшой, но Илья заметил, сколько сил ушло на это движение.

— Кто запустил программу после смерти Вейля?

— Не знаю. И если бы знала, сказала бы Дарье под запись. Знаю лишь, что другой участник ищет вас. Программа считает его человеком, которого Леон убил.

— Николай Савельев?

Вера взглянула на него неожиданно прямо.

— Сначала спросите, кого именно она считает Леоном.

Когда они выходили, Дарья обернулась: Вера всё ещё сидела перед погасшим экраном, будто ждала, что старый прибор когда-нибудь подскажет ей забытое слово. На улице шёл первый за неделю сухой снег. Илья протянул руку и поймал хлопья. Они таяли на коже раньше, чем он успевал увидеть их форму.

Дарья расшифровала протокол в капсуле. Её служебные пометки отделяли то, что Вера видела сама, от того, что узнала из более поздних отчётов. Так они получили два разных основания для будущего дела, не одну красивую историю. Илья смотрел на строчку «непрерывный субъект не установлен». Он мог бы подписаться под ней как эксперт, даже если сегодня от неё зависела его собственная жизнь.

Часть II. Человек, которого я убил

Глава 9. Девятый день

За восемь дней они нашли семь способов выйти на Николая Савельева и ни одного живого человека с таким именем. Архив регистрировал его смерть в 2147 году. Видеозапись Леона до сих пор предсказывала встречу, и Илья отказывался называть это предсказанием вслух.

На второй день Илья подал запрос о причине смерти Николая. Открытый реестр выдал только дату и больницу. Материалы старого уголовного дела находились в закрытом исследовательском приложении: суд рассмотрел удар в лаборатории и сделал вывод, но имена переносителей на заседаниях защищали. Дарья могла получить судебную копию, если докажет связь с гибелью Вейля. Она подала ходатайство. Пока его рассматривали, Илья попросил старший индекс больничных поступлений. Там Николай числился пациентом, доставленным без сознания. Ни слова о человеке, который принёс его туда.

Ответ на ходатайство задержали: архив суда требовал уточнить, нужны ли следствию сведения о личности умершего или о старом механизме доступа. Дарья выбрала второе и объяснила связь с активированным пакетом Вейля. Судебный секретарь прислал шаблон, в котором оба основания объединяли одной галочкой. Она вернула форму и попросила разделить их, хотя это означало ждать ещё день. Илья спросил, почему нельзя взять всё и закрыть лишнее после просмотра. Дарья сказала, что однажды уже видела, как «лишнее» в деле оказалось детским адресом человека, не давшего согласия даже на участие в будущем споре. Здесь она не знала, чьи имена стоят в медицинском приложении к смерти Николая.

Когда частичное разрешение пришло, они должны были открыть файл в присутствии хранителя. Илья увидел подпись Леона на протоколе судебного заседания, но текст показаний оставался серым: время назначили на следующий день. Несколько секунд он изучал только почерк, пытаясь понять, как рука после удара продолжала подписывать бумаги. На записи собственной идентификации у него был похожий нажим при коротком слове. Он отложил сравнение до утра. Вечером позвонил Антону и спросил, рассказывала ли Марина когда-нибудь о человеке, погибшем в лаборатории. Отец сказал, что однажды слышал фамилию, но считал смерть аварией и не искал деталей. Илья не стал ночью предъявлять ему суд, которого сам ещё не прочёл.

Вечером они с Дарьей рисовали не «схему убийства», а карту людей, которые могли знать о носителях Николая. В центре стоял его последний рабочий адрес. От него расходились старые ученики, архивисты, медицинский фонд, семья, чьи имена закон охранял отдельно. На пятом имени Дарья провела черту: связь была только профессиональной и не давала права спрашивать человека о чужом ребёнке. Илья вслух сказал, что им нужен живой носитель, иначе обещанная Леоном встреча невозможна. Дарья попросила не записывать это как единственную версию. Леон мог иметь в виду человека, пострадавшего от его дела, или мог попросту говорить неправду.

Ночью Илья проснулся от уверенности, что вспомнил лицо Николая. Во сне у человека была перевязана рука, как на снимке у Вейля, но голос принадлежал продавцу из булочной. Он записал сон в личный журнал вместе с перечислением источников. Утром не осталось чувства откровения, только стыд, что он вообще успел принять смесь за подсказку. Дарья, увидев запись по его просьбе, сказала: «Ты не обязан подавать каждую ночную картинку в суд». Он ответил, что записывает прежде всего для себя — чтобы позднее не объявить сон увиденным наяву.

На третьи сутки им ответил старый фонд, в котором Николай когда-то числился консультантом. Фонд сменил название дважды, в его отчётах остались выплаты «на сопровождение линии» после смерти консультанта. Дарья потребовала пояснить, кому шли деньги. Бухгалтер нашёл не имя, а отдельный счёт для ухода за будущими пациентами. Платёж совершали ещё до рождения Максима. Илья увидел в этом замысел Николая защитить возможного ребёнка; Дарья записала более узкое: существовал фонд и даты перечислений, распоряжался им другой человек. Позднее бухгалтер прислал квитанцию о покупке кресла для маленькой клиники. Люди делали за детей вполне материальные вещи, пока дети не могли знать даже, кто их придумал.

В четвёртый день они нашли старый адрес Николая. Дом давно перестроили, но двор остался прежним. Илья настоял, чтобы идти туда вместе с Дарьей, хотя она называла поездку бесполезной для дела. На площадке кто-то сушил на батарее детские варежки. Николай здесь не жил уже больше сорока лет. Илья хотел почувствовать что-нибудь узнаваемое и не почувствовал ничего, кроме холода в лестничной клетке. Этот неудавшийся опыт оказался важным: сходство корней не делало каждое место магнитом для чужого прошлого.

На пятые сутки нашли бывшего охранника лаборатории. Он говорил по видеосвязи из маленькой теплицы: камера дрожала всякий раз, когда он переставлял лейку. Помнил, что Николай всегда просил не оставлять на полу кабели, потому что однажды споткнулся сам. Помнил, как Леон приносил для персонала тёплый хлеб. Об ударе узнал от следствия, свидетелем не был. Когда Илья спросил о первой Софии, охранник удивился: «Которая? У нас их две было». Пояснил, что маленькую девочку иногда приводили в комнату отдыха к старшей. В 2137 году, до рождения второй, он ещё не работал там, и Илья едва не попросил опознать её на старой фотографии, забыв о дате. Дарья остановила вопрос одним взглядом.

В шестой день Антон позвонил, чтобы рассказать о сломанном чайнике. Говорил слишком подробно, явно давая сыну возможность задать другой вопрос. Илья не задал. Они обсудили стоимость ремонта, потом оба помолчали и одновременно сказали «ладно». Перед отключением Антон попросил сообщить, если тот снова пойдёт в тоннель. Илья пообещал. Отец впервые за много лет спрашивал не о том, поел ли он, а о месте, где находится опасность.

После звонка Илья пошёл к Дарье в отдел. Она сидела в комнате с разложенными схемами доступа и пыталась не заснуть над журналом Вейля. Он принёс еду, как она в первый вечер принесла ему бутерброды, и не назвал жестом ответной любезности. Пока ели, она объяснила, почему старый таймер мог показать девять суток даже при неверной дате первого вскрытия: система отсчитывала подтверждённое вручение, а не момент, когда файл посмотрели. Они проверили время вручения Илье и увидели точную будущую границу. Максим не должен был знать его нынешнее расписание, чтобы появиться вовремя. Илья испытал облегчение от механизма и новую тревогу: встреча стала вероятнее, а не просто предсказана.

Вечером шестого дня суд открыл дополнительный раздел дела Николая, но техника не позволяла сразу скачать старые видео: кодек воспроизводился только в архивном зале. Им дали время утром. Илья предложил не ждать, пройти ночью как сотрудник службы. Дарья напомнила, что тогда видео не войдёт в законную цепь копий. Они пошли домой без изображения смерти, хотя знали, что ключ от комнаты уже у охраны. Ожидание оборачивалось не только страхом перед Максимом, которого они ещё не знали, но и временем, когда приходилось позволять миру не отвечать немедленно.

Дарья предложила ограничить прямой приём посетителей с девятого дня. Он возразил, что не хочет прятаться от человека, который может знать о Вейле. Они оставили приём, но внесли в расписание проверочную комнату, охранника на маршруте и правило: нового посетителя проводят до двери, даже если у него настоящий пропуск. Илья попросил оставить за собой право отказать уже после проверки. Дарья согласилась. Ему не хотелось, чтобы незнако-

мый человек выбирал место и время разговора вместо него. Эти маленькие условия не делали встречу безопасной; по крайней мере, их определяли сейчас, пока он мог возразить.

В восьмой день Дарья принесла сведения: в перечне медпоставок возле Вейля всплыло имя Максима Нырина. Документ ещё не доказывал встречи и был получен с опозданием из закрытого хозяйственного контура. Они сверяли дату до ночи. Имя не значилось среди прежних сотрудников проекта; обычный человек мог попасть в журнал по служебной работе. Но теперь девятый день обрёл возможное лицо. Дарья предложила вызвать его официально утром. Он явился раньше, чем вызов оформили.

Все восемь дней он считал время по-разному. До пятницы — рабочими днями, когда ещё можно получить документы. В выходные — ночами, которые они с Дарьей провели, сверяя старые подписи. С утра девятого дня он перестал пересчитывать. Ждал, что любой человек за дверью окажется ответом на фразу Леона, и ненавидел себя за это: точно так же выглядел бы человек, которому внушили простую угрозу.

Дарья показала ему список встреч на день: два обычных дела, обед, консультация с архивистом. Она не хотела, чтобы он отменял работу ради ожидания. Он согласился, потом переставил обед на двадцать минут позже. Причин не было.

На девятый день он пришёл на работу раньше всех. Надежда Ким прислала короткое сообщение: следствие нашло другой след нападения, цвет перчаток больше не нужен. Он перечитал его дважды. Не потому, что искал подтверждения своей правоты, а потому, что какое-то время мог думать о жизни, которая продолжалась независимо от Леона.

В половине десятого в его кабинет вошёл мужчина лет тридцати пяти. Пропуск посетителя был оформлен без ошибки. «Максим Нырин», значилось на нём. Посетитель поставил на стол две чашки кофе, одну — ручкой влево. На его правой кисти виднелся старый шрам.

— Вы опоздали на двадцать минут, — сказал Максим.

— Мы не назначали встречу.

— Именно поэтому я оставил запас времени.

Охранник проводил Максима до кабинета, проверил, что Илья согласен его принять, и ушёл. Посетитель не выглядел человеком, который надеется скрыться: удостоверение было настоящим, адрес указан собственный. Илья записал эти факты прежде, чем дал себе право рассмотреть шрам.

— Вы следили за моим расписанием?

— Пришёл к началу вашего приёма. Остальное угадал.

Максим поднял чашку, но не пил. Пальцы обхватывали её слишком низко, возле горячего края. Он поставил кофе обратно прежде, чем Илья успел заметить на лице реакцию на ожог.

Он говорил спокойно, но ободок чашки постукивал о блюдце. Илья видел людей, которые играли спокойствие; этот, скорее, долго учился ему и сегодня сдавал экзамен.

— Вы пришли из-за письма?

Максим кивнул.

— Оно должно было прийти после смерти Карельсена. Вейль задержал доставку.

— Сегодня девятый день после его смерти.

— Я знаю.

Дверь распахнулась. Дарья остановилась на пороге с удостоверением в руке. Максим перевёл на неё взгляд, потом снова на Илью.

— Если позволите, — сказал он, — я хотел сначала поговорить с вами как человек.

— А кем будете потом? — спросила Дарья.

В ответ Максим положил рядом с чашкой запаянный носитель.

— Тому, кто откроет его, понадобится разрешение суда.

Дарья не коснулась носителя. Попросила Максима предъявить документы, назвала основание для разговора. Он всё сделал, не споря, и эту покладистость Илья находил тревожной.

За стеклом кабинета люди занимались своими делами. Кто-то смеялся над экраном. Через минуту Максим сообщил, что знает о новой процедуре Софии Рен — «Возвращении». Через пять объяснил: смерть Карельсена оставила систему без независимого сдерживания. Вейль был последним, кто мог назвать живые линии без открытия всего архива. Теперь в программу получен доступ извне.

— Откуда вы это знаете? — спросила Дарья.

— Я тоже часть этой ошибки.

Максим положил правую руку ладонью вверх. Шрам пересекал большой палец, уходил под манжету. В памяти Ильи мелькнула забинтованная рука на снимке из лаборатории. Он знал, что это не доказательство. И всё равно отступил на шаг.

— Эта рана появилась, когда мне было восемнадцать, — сказал Максим, угадав взгляд. — Я сломал стеклянную дверь в мастерской. Николай повредил руку иначе. Хотите проверить записи?

Илья хотел. Ещё больше ему хотелось узнать, зачем Максим сам предложил различие, которое позволило бы отодвинуть немедленное узнавание.

— Николай, — произнёс он.

Максим взглянул на него почти с жалостью.

— Вот почему я просил сначала поговорить как человек.

Он оставил на столе одну из чашек. За его плечом Дарья спрашивала о матери Максима, месте работы, праве входа в архив. Он отвечал коротко, без воинственной тайны. Когда она назвала дату смерти Николая, Максим сглотнул. Илья не мог определить, реагирует он на смерть предшественника или на слово, которое после рождения слышал о себе чаще собственного имени.

Они договорились продолжить разговор в проверочной комнате. По дороге Максим остановился у доски с объявлениями. Там висела просьба волонтеров не приносить в больницу растения с сильным запахом. Он сфотографировал номер телефона, хотя никто его не просил. Илья спросил зачем. Максим ответил, что клинике, где он иногда работает, приходится отправлять обратно целые букеты, а дарителям бывает обидно. Разговор на минуту свернул к болезни совершенно незнакомых пациентов. Потом Дарья открыла дверь комнаты, где ждал архивный ключ и вопрос о Вейле. Максим первым вернулся к нему.

— Вы думаете, я пришёл, чтобы вы приняли меня за Николая. Для этого у меня есть много более точных слов, чем его имя.

— Тогда зачем шрам и две чашки? — спросил Илья.

Максим посмотрел на кофе, который теперь несла Дарья для анализа носителя.

— Потому что если бы пришёл с пустыми руками, мы бы начали с вопроса, кто достоин жить после умершего. С чашками у меня получилось хотя бы несколько минут говорить с живым человеком. Неудачный способ, понимаю.

Илья не ответил. Одна из чашек давно остыла. Он подвинул её в сторону, освобождая на столе место для архивного ключа.

Глава 10. Николай Савельев

Дарья добила санкции на изучение носителя. Максим настаивал, что не приносил ловушку, и раздражался не от недоверия, а от потраченного времени. Когда в проверочной комнате нашли обычный архивный ключ, он лишь спросил, сколько ещё потребуется минут.

Илья не стал смотреть папку один. В её первом разделе находились материалы, которые Максим мог принести честно, во втором — то, чего у него по доступу быть не должно. Дарья отметила границу перед началом просмотра. Они не имели права принять сведения за истину только потому, что мужчина добровольно сложил их на стол. Но отказ читать уже проверенный фрагмент был бы таким же удобным способом остаться в незнании.

Папка содержала этический протокол Савельева и запись его последней публичной лекции. Николай говорил резче Леона; даже через сорок лет было слышно, что он обращается к людям, с которыми спорит давно и без надежды закончить.

«Когда мы говорим о продолжении человека, — произносил он, — следует сразу назвать того, кому выгодно это слово. Если ребёнок не может отказаться от наследства памяти, это не бессмертие. Это долг, которым он не подписывался».

Кто-то в зале записи возразил, что любой ребёнок наследует от родителей язык, дом и привычки, не давая согласия. Николай не стал отрицать. Он спросил, может ли обычное воспитание предъявить ребёнку удостоверение умершего взрослого и потребовать отвечать за его голос. В зале сначала засмеялись, потом спор продолжился громче. Илья остановил запись: он недавно получил именно такой процент в реестре. Старый вопрос теперь имел адрес и его имя.

Максим стоял у стены, пока шло видео. На лице не было узнавания. Зато при каждом резком движении Николая его плечи чуть напрягались, словно старая запись могла обратиться к нему лично.

На экране появилось короткое голосование о бюджете. Николай выступил против нового набора линий, затем поддержал сохранение лабораторной смены для уже заболевших детей. Максим неожиданно поправил дату заседания: в титре ошиблись на год. Дарья попросила указать источник, и он открыл бумажную программу, которую принёс с собой. Она сверила её с независимым архивом. Максим действительно знал историю проекта лучше большинства сотрудников, которые до сих пор распоряжались результатами. Это знание не делало его безопасным. Оно объясняло, почему даже человек, отвергавший преемственность Николая, сумел получить власть над тем, как другие будут помнить Николая.

После официальной части Максим спросил, знает ли Илья, кому принадлежал красный карандаш на столе Николая. Илья не знал и сказал это. Максим признался: тоже не знает, но много лет думал, что карандаш принадлежал Леону и стал орудием их первой большой ссоры. Ольга позже показала опись: красным карандашом помечали готовые к сушке листы, он принадлежал всему отделу. Максим рассердился на то, что так долго сохранял в голове чужой маленький предмет как доказательство близости двух людей. Илья услышал в этой досаде человека, способного сомневаться в старой истории. Не сумел понять, почему тот сомневается в карандаше и не сомневается в праве управлять будущими носителями.

— Вы считаете себя им? — спросил Илья.

— Я помню, как Николай ненавидел запах горячего пластика. Это мой кабинет пахнет так же, и мне всё равно. Какой ответ вам нужен?

— Настоящий.

— Я Максим Нырин. Вопрос, почему для этой программы того мало.

Максим рассказал, что в школе учитель истории однажды попросил его описать кабинет Николая, в котором сам никогда не был. Он описал ошибочно, и взрослые похвалили его «за

собственную личность». Через год в медицинском тесте ответил верно — врач заметила это раньше него, и ему назначили дополнительное наблюдение. Он вырос с ощущением, что любую точность или ошибку сравнивают с одним отсутствующим человеком.

Однажды на экзамене ему дали задачу о системе вентиляции старого корпуса. Николай участвовал в разработке похожей схемы, и преподаватель ожидал, что Максим узнает решение быстрее остальных. Тот намеренно выбрал иной путь, более затратный, но отвечающий условиям задачи. Экзаменатор снизил оценку за «неоправданное отклонение от известной модели», даже не сверив расчёт. Максим добился пересмотра; комиссия признала его вариант рабочим. В школьной биографии позднее написали, что он с детства отстаивал независимость от предшественника. Он показал Илье свой старый ответ и сказал, что на самом деле просто не хотел, чтобы вентиляция ломалась при холодном воздухе. Людям нравилось превращать всякий его труд в свидетельство борьбы с Николаем.

Дарья спросила, почему он теперь собирает архивы того же человека. Максим ответил, что начал после работы в клинике: ему нужно было понять, какие старые предупреждения Николай оставил о позднем рассогласовании. Три были полезными, один ошибочным; он исправил его в письме врачу. Врач сохранил поправку с подписью Максима, а в следующем отчёте назвал «уточнением линии Савельева». Максим рассердился тогда так сильно, что едва не перестал помогать пациентам, которым исправление уже пригодилось. На следующий день вернулся. Его жизнь состояла не только из злости на сравнение, но он так и не нашёл слов, которыми медицинский центр называл бы полезное действие его собственным именем.

— Потом вы выбрали искать хранителей, — сказала Дарья.

— Да. Здесь никто за меня не выбирал.

Она записала фразу. Илья заметил, что Максим не попытался смягчить её объяснением детства. На стене продолжалась лекция Николая, замершая на лице человека, не знавшего, что за его слова спустя сорок лет придётся отвечать другому.

Савельев пытался ограничить «Почерк» ещё до первой имплантации. Затем работал в проекте, чтобы увидеть последствия, которые считал неизбежными. По протоколам выходило, что он голосовал за запрет неоднократно, но подписывал продолжение медицинских наблюдений. Илья узнал в этих противоречиях не чудовище и не мученика. Человека, который не нашёл чистого выхода и оставался на месте.

На одной из внутренних встреч Николай предложил остановить создание новых линий и продолжить медицинское сопровождение уже начатых. Леон возразил, что без сравнительных данных врачам придётся лечить вслепую. Вера записала на полях: «Оба употребляют слово дети, но считают разные группы». Илья долго разбирал этот конфликт. Прекратить новые случаи и заботиться о существующих было разумно; отсутствие исследований могло оставить врачей без средств. Их спор не делился на простую трусость одного и смелость другого. Именно поэтому его так легко было использовать спустя годы как оправдание любой стороны.

К заседанию прилагалась запись из коридора. На ней Николай разговаривал с санитаром, у которого заболела дочь, не носительница и не участница проекта. Мужчина хотел знать, будут ли закрывать весь корпус, если финансирование исследований прекратится. Николай ответил, что лечебная часть должна существовать отдельно, но не мог назвать, где взять на неё деньги. В следующем кадре он возвращался к Леону с конкретной строкой бюджета. Леон возражал уже не столько научно, сколько финансово: у их лаборатории персонал имел общие ставки, и немедленное отделение лишит клинику двух ночных врачей. Они спорили ещё сорок минут о том, кто подпишет зарплату. Илья не нашёл в открытой лекции Николая ни одного упоминания об этих сорока минутах.

Максим смотрел запись стоя. Когда санитар назвал дочь по имени, он перемотал и прослушал ещё раз. Потом признался, что прежде всегда считал запись коридора монтажом сторонников Леона, которыми хотели ослабить позицию Николая. На носителе стояли два неза-

висимых штампа, так что теперь он сам её предъявил. Илья спросил, изменило ли это его требование уничтожить архив. Максим ответил, что пока нет. Деталь могла быть настоящей и всё равно не перевесить убийств и навязанного носителям наследства. Они не спорили дальше. Изменение мнения не обязано происходить в минуту, когда человек впервые соглашается увидеть неудобное доказательство.

В перерыве записи Николай уронил чашку. Камера продолжала работать, хотя заседание приостановили. Леон первым поднялся и помог собрать осколки. Максим попросил не выключать этот участок. Суду он не был нужен. Илья понял: человеку хотелось увидеть не только те минуты, из-за которых позднее возникла его собственная миссия.

В конце папки была его аудиозапись, созданная незадолго до смерти. Только тихое дыхание и фраза: «Леон думает, что успеет разобрать ключи».

— Какие ключи? — спросила Дарья.

Максим ответил слишком быстро:

— Третьего хранилища.

Илья посмотрел на него. Максим понял, что выдал знание, не содержащееся в открытом деле.

— Мы не обязаны любить друг друга, — сказал Максим. — Но если София получит третий сегмент, у вас не будет времени сомневаться в моей осведомлённости.

— Тогда дайте объяснение, которое можно проверить, — сказала Дарья.

— Дам. Когда найду Амину Шах.

Это имя они видели в служебном журнале Вейля. Амина обслуживала закрытый медицинский контур и последней обращалась к его узлу. Дарья уже назначила с ней встречу.

Перед тем как отпустить Максима, она попросила разрешения снять копию той части носителя, которую он вправе был хранить. Он согласился и указал, что на внешней стороне корпуса оставлена старая инвентарная метка. Метку действительно нанесли до его рождения. Это ничего не говорило о том, когда он завладел носителем. Дарья сфотографировала корпус, положила ключ в пакет и выдала расписку. Максим долго смотрел на её подпись, как будто проверял, умеет ли государство хотя бы здесь назвать вещь без ошибки.

— В бумагах о Николае написано, что он погиб из-за Леона? — спросил он.

— В той части, которую вы принесли, нет материалов суда.

— Значит, вы их ещё не видели.

Максим взял расписку. У дверей обернулся к Илье, но вместо ожидаемого обвинения спросил, осталось ли у них кофе. Илья показал на чашку у окна. Максим не взял её: напиток давно остыл. Эта несостоявшаяся бытовая просьба запомнилась Илье позже, когда о том же человеке говорили уже в сводках. В тот день Максим ещё свободно выходил из комнаты, где можно было спросить его о вчерашнем вечере и получить ответ. Они не сделали этого, потому что доказательства о смерти Вейля пока не давали основания задерживать его.

Когда дверь закрылась, Дарья включила запись камеры и отдельно отметила, на каких словах Максима она не задала уточняющего вопроса. В частности, он назвал третье хранилище, хотя в принесённом материале речь шла только о двух. Она запрашивала журнал его допусков и предупреждала охрану медицинского комплекса. Илье не нравилась скорость формальностей. Дарья объяснила, что именно эта скорость позволит остановить его законно, если следующая дверь окажется дверью к человеку, а не к коробке.

Вечером пришёл частичный ответ суда по делу 2147 года. Закрытая копия содержала свидетельство медсестры: Николая привезли живым, но без сознания; удар Леона был указан как причина травмы, повлёкшей смерть той же ночью. Обвиняемый пытался сослаться на несчастный случай при споре у оборудования. Суд признал его ответственным за смерть и отстранил от руководства процедурами с носителями. До конца жизни Леон оспаривал не сам удар, а формулировку о том, что понимал риск для Николая.

— Почему мне не показали это сразу? — спросил Илья.

— Потому что запрос о смерти Вейля не даёт автоматического права читать закрытые данные умершего носителя. Суд открыл раздел, относящийся к конфликту основателей. Остальные материалы всё ещё запечатаны.

В протоколе были чужие имена, закрытые ровными серыми полосами, и дата рождения ребёнка, который ещё не появился на свет. Николай знал о подготовленной линии, но не мог знать Максима, родившегося после его смерти. Илья дочитал решение до последней страницы. Леон на своей записи говорил о вине голосом человека, который пережил суд и продолжал искать оправдание. Теперь можно было точно назвать событие, не доверяя его памяти больше, чем записи больницы. Илья отметил в личной схеме два разных вопроса: что Леон сделал Николаю и какое отношение его поступок имеет к нему, родившемуся одиннадцать лет спустя. Ответ на первый не давал права перепрыгнуть через второй.

Глава 11. Амина Шах

Амина согласилась разговаривать в открытом саду медицинского комплекса. Место выбрала сама: под двумя камерами, в пределах видимости стойки персонала, но достаточно далеко от других пациентов. Ей было за сорок. Она носила дешёвые перчатки без сенсоров и, прежде чем сесть, проверила, не записывают ли растения вокруг беседки звук для климатического журнала.

— Это привычка от работы, — сказала она.

Дарья представилась ещё раз под запись. Илья сидел рядом с ними по допуску консультанта; согласие Амины распространялось и на него. Она знала о риске для Вейля и не восстановила автоматический вызов без его согласия. За неделю до смерти он отключил этот канал при событиях, связанных с архивным запросом. Попросил её не включать его снова без личного подтверждения.

— Почему вы согласились? — спросила Дарья.

— Потому что он был в сознании. Потому что закон позволяет. Потому что за тридцать лет работы я научилась бояться не той опасности, которую показывают на инструктаже.

Она сняла перчатку. У основания большого пальца был старый ожог — маленький, не связанный с их делом. Амина заметила взгляд Ильи.

— Горячая чашка, когда мне было шестнадцать. Ни один эксперимент тут не виноват.

Он улыбнулся, и она впервые позволила себе улыбнуться тоже.

На переданном ею носителе находилась схема третьего сегмента. Он включал порядок активации и медицинские риски. Aster давно арендовала часть инфраструктуры комплекса и лечила отдельных носителей законно. Прав на сегмент, необходимый для общей системы «Возвращения», у компании пока не было. Подписанная передача находилась на этапе независимой проверки. Если суд её подтвердит, Амина как хранитель должна будет исполнить передачу ключа, даже если подаст собственное возражение. Она считала, что часть сведений о неблагоприятных исходах исключили из версии, представленной регулятору, и принесла данные Дарье до возможной передачи.

— Вы сообщали Софии? — спросил Илья.

— Я сообщала её медицинской комиссии. Получила запрос дать исходники. Меня попросили не передавать их никому ещё до разговора.

Перед тем как назвать Максима, Амина спросила, сколько людей смогут увидеть её собственные записи после разговора. Дарья объяснила, что информация о семи пациентах пойдёт независимому аудитору, а медицинские имена останутся в защищённом контуре. Амина попросила показать основание допуска Ильи. Он предъявил консультативное назначение по делу Вейля. Она прочла его полностью и только после этого продолжила. Её осторожность заняла минуту, которую Илья тогда счёл препятствием на пути к ответу. На записи стало видно, что именно Амина была первым человеком за последние дни, кто проверил его право слушать сведения о чужой болезни столь же строго, как право других людей открывать его корневую историю.

Садовый полив включился посреди разговора, хотя распылители должны были работать вечером. Амина нажала на своём браслете сервисную кнопку и отключила линию возле скамейки. Сказала, что автоматика реагирует на неверный датчик влажности после пересадки молодых деревьев. На прошлой неделе она подала заявку; инженер обещал прийти завтра. Она стряхнула капли с рукава, отодвинула список от воды и вернулась к прерванной строке. Илья успел испугаться помехи сильнее её: Амина здесь работала и видела этот сбой не впервые.

— Кто попросил?

— Максим. Он помогал мне проверять клинические журналы, пока я не увидела, что его интересуют имена хранителей больше пациентов.

Дарья отметила точные даты и попросила показать сообщения. Амина оставила копии на рабочем терминале и собиралась принести подписанный оригинал: без него её данные можно было исключить как полученные с нарушением внутреннего доступа. Дарья предложила отправить сотрудника. Амина покачала головой: ключ был личным, в паре сотен шагов, и она не хотела передавать его чужому человеку.

— Что будет, когда вы подадите возражение? — спросил Илья.

— Вероятно, меня снимут с хранения сегмента до окончания проверки. Если передадут ключ без ответа на вопрос о статистике, у меня останется подпись под документом, который не видели пациенты. Выходит, я уже участвую, даже когда молчу.

Она достала бумажный список дат. Не имена людей — только дни начала и прекращения семи курсов. Каждый пациент подписывал согласие на конкретное лечение. В таблице, которую Aster готовила регулятору, считали результат лишь тех, кто дошёл до последнего дня. Отступивших записывали в другую группу. Само разделение могло быть оправдано, если назвать его и объяснить. Амина не нашла в публичной части отчёта ни одной строки о том, почему эти люди не дошли. Прежде чем утверждать, что кто-то их намеренно скрыл, она хотела получить первичные подписи и спросить пациентов об их опыте.

Когда она впервые заметила разницу, ей показалось, что виноват импорт старой таблицы. Она попросила коллегу пересчитать курс по датам выдачи лекарства; у него вышло столько же начавших, сколько у неё. Потом нашла в методике слово «завершившие», которое раньше читала как обычную оговорку о полноте наблюдений. Её беспокоила не арифметическая ошибка. Арифметика работала безукоризненно, если спросить у неё, у скольких людей из завершивших курс стало лучше. Люди у стойки клиники спрашивали другое: что станет с нами, если мы начнём. Между этими вопросами лежали семь дат.

— Вы сообщали о них врачам? — спросила Дарья.

— Двое ответили, что это не их отчёт. Третья показала, как фиксируется ухудшение, и спросила, почему регулятору не дали отдельной строки. Я записала её вопрос. Она согласилась подтвердить собственные слова только после разговора со своим пациентом. Я не стану тащить её к вам без предупреждения.

Амина продемонстрировала исходные числа на своём планшете, но не разрешила копировать экран: рядом с датами в скрытых полях находились маршруты лечения. Один из семи ездил из города, где такой курс проходил только один человек. Даже без имени по дороге и времени его можно было узнать. Она собиралась передать данные аудиторю в закрытом виде и опубликовать только число случаев после проверки. Илья заметил, как легко ему хотелось сказать «давайте всё немедленно». Перед ним была женщина, которая умела удерживать два желания сразу — обнаружить неполный отчёт и не выставить пациентов на всеобщее обозрение.

Амина показала выписку из совещания методической комиссии. Снимать сам разговор она не имела права: там называли пациентов. Но открытый протокол содержал последовательность возражений и подписей. Один врач попросил вынести прекративших курс в отдельное приложение, другой возразил, что по семи случаям без полных интервью нельзя установить последствия терапии. София предложила сначала опубликовать надёжно проверяемый результат среди завершивших. В графе решений поставили срок для дополнения о начавших — через месяц. Срок прошёл, подписи Амины под продлением не было. Следующее заседание состоялось без неё: в тот день она была на смене при выдаче лекарств и узнала о готовом отчёте по рассылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.